

К 63.3
Н 62
К-37707

**АЛЕКСАНДР
НИКИТИН**

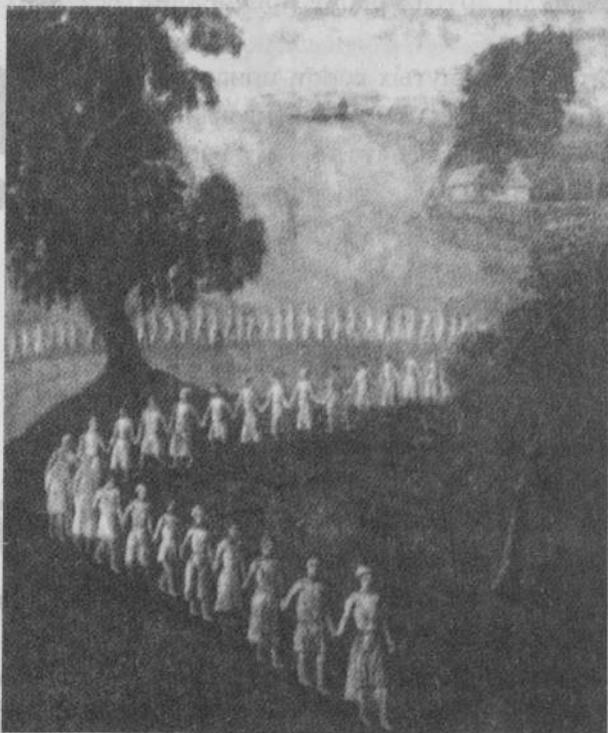
МИР

ЧУВАШСКИЙ

ОБРЯДОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Туристика рассматривает обрядовый календарь, в первую очередь, в свете социально-культурного сервиса. Социально-культурный сервис в узком смысле — система экономически обоснованного создания, предоставления и потребления социально-культурных услуг. Иначе говоря, это — часть культуры, которая производит свободно реализуемые на рынке услуги, или тот сектор экономики, где в качестве товара выступают социально-культурные услуги. Культура и экономика как бы совмещаются, налагаются друг на друга.

Чувашская старина.
Хоровод. Худ. А.Миттов

Следует также подчеркнуть, что традиции, обряды и праздники в отдельно взятом варианте — ни что иное, как событие. Обрядовый праздник для туристики — это реальная возможность претворения в жизнь событийного туризма. Мысль эта не нова. Мнения о совмещении событийного туризма и обрядового календаря высказаны давно, однако механизм реализации данного вида социально-культурного сервиса не выработан. Первые успешные шаги в данном направлении сделаны в Музее пива, но география подобных мероприятий ограничена.

Разумеется, сегодня сакрального значения традиций, обрядов, праздников не вернуть: оно не реставрируемо. Пожалуй, из всего обрядового цикла только семик сохраняет и укрепляет свои позиции, и превращается в обрядовый этнический праздник. Традиции, обряды и праздники стали частью современной культуры чувашского народа, и нет никаких препятствий не рассматривать их как предмет социально-культурных услуг. Вопрос только в том, чтобы социально-культурный сервис способствовал дальнейшему сохранению и развитию традиций, которые, к сожалению, начинают исчезать, так как не несут духовно-практические функции.

СУРХУРИ

Сурхури — старинный чувашский праздник. Он отмечался в период зимнего солнцестояния, когда день начинал прибывать. Сурхури обычно праздновался две недели. Позднее этот национальный праздник нового года совпал с христианским рождеством (раштав) и продолжался до крещения (ка́шарни). Во время празднования сурхури проводились обряды, призванные обеспечить хозяйственные успехи и личное благополучие людей, хороший урожай и приплод скота в новом году.

В первый день сурхури детвора собиралась группами и обходила деревню подворно. При этом дети распевали песни о наступлении нового года, поздравляли односельчан с праздником, приглашали других ребят присоединиться к их компании.

Хозяева домов встречали ребят у распахнутых ворот, приглашали в избу и угощали специально приготовленными пирожками, калашками, сладостями, орехами и непременно — жареным горохом. Ребята под музыку пели песни-заклинания с пожеланиями хозяевам благополучия, доброго урожая, обильного приплода скота. При этом детвора осыпала щедрых хозяев, а также молодняк домашнего скота жареным горохом, приговаривая:

*Да будут три вида вашего скота
Многочисленными, как горошины в стручке,
Тучными, как моченые горошины,
Крепкими, как жареные горошины.
Один конец стада да будет у водопоя,
Другой конец да будет в хлеву!*

Если хозяева были не очень щедрыми, то ребята пели сатирические куплеты, просили угощения, денег, иначе сулили всяческие напасти. Все это регламентировалось ритуалом, и никто не обижался. И ребята, и хозяева все вместе пели специальные песни, плясали под музыку, вскоре детвора уходила в соседний дом.

На другой день подворный обход деревни совершали парни постарше. Они собирали для обрядового девичьего пира муку, масло, крупу, солод и хмель. В каждом доме молодежь одаривали кто чем мог. Молодицы, вышедшие замуж в прошедшем году, дарили вышитые полотенца, тканые узорные пояса. Эти подарки предназначались для лучших музыкантов, играющих на девичьем пиру.

После обхода всех дворов собранные продукты относили в специально отведенный дом. Там из собранных продуктов девушки варили обрядовое пиво, пекли пироги и другую снедь. Вечером назначенного дня в этом доме собиралась молодежь всей деревни и устраивала большие посиделки. Девушки приглашали своих подруг из соседних деревень. Во время приготовления к празднику парни

присматривались к девушкам и примечали, кто как умеет вести домашнее хозяйство, выбирали невест.

Большое место в празднике сурхури занимали увеселения, песни, тайны, игры и новогодние гадания. Вечером на девичий пир приходили и взрослые. Они присматривали за поведением молодежи, помогали им, выбирали для своих сыновей невест. Девушки в первую очередь угощали пивом пожилых. Те, получив ковшик пива, поздравляли всех молодых с новым годом, желали счастья и благополучия и наступившем году: парням — жениться, девушкам — выйти замуж и зажить дружной и богатой жизнью. В опустошенный ковш они опускали монетки, которые потом отдавались хозяину дома за аренду помещения.

Вскоре взрослые уходили, и веселье возобновлялось с новой силой. Во время сурхури от рождества до крещения по вечерам ходили ряженые, которые непременно появлялись и на девичьем пиру. Ряженые разыгрывали всевозможные юмористические сценки.

Ближе к полуночи начинались гадания. Молодые люди стремились предугадать свое будущее, узнать, какие изменения ожидают их в новом году. Все участники в полночь шли в овчарню и в темноте хватали овцу за задние ноги, чтобы по их цвету и возрасту узнать признаки будущего супруга (или супруги). От такого обряда происходит и само название праздника: в прямом переводе сурах ури означает “овечья нога”. Если парню попадалась овечка, то это якобы сулило ему женитьбу в этом году, попавшийся девушке барашек предсказывал скорое замужество. Животное белой масти предвещало блондина или блондинку, черной масти — брюнета или брюнетку. Молодая овца сулила молодую жену, а старая — девушку в годах. Иногда для смеха в овчарню запирали козла или собаку, которые должны предсказывать скверный характер супруга. Также ловили с насеста кур и петухов. Петуха обычно брали с собой в дом. Там на полу рассыпали зерна, деньги, уголь, воду и пускали петуха. Считалось, что если петух вначале подойдет к зерну, суженый будет работающим и зажиточным, если к деньгам — из богатой семьи, к углю — из бедной семьи, к воде — суженый будет пьяницей.

Чтобы узнать личность будущего мужа, девушка ровно в полночь отправлялась в баню, ставила перед собой зеркальце, зажигала свечку, укрывалась покрывалом и вглядывалась в зеркало. При этом считалось, что ровно в полночь в зеркале появится личность жениха. Разумеется, оглядываться по сторонам было нельзя, недолго и пропустить жениха. Нередко парни заранее прятались в пустой бане, тихонько подкрадывались и заглядывали в зеркало, чтобы было видно девушке.

Способов гадания было великое множество. Молодежь обычно загадывала о суженом, взрослых же интересовали виды на урожай. Ближе к полуночи ходили на гумно, к стогам. Вставали спиной к стогу и, изгибаясь назад, зубами

вытаскивали из снопов несколько стеблей с колосьями. Бережно приносили эти колосья домой. Дома шелушили и считали зерна, приговаривая: “Амбар... Сусек... Мешок... Пусто”. Если последнее зернышко приходилось к слову “амбар”, радовались, считая, что год будет урожайным: “сусек” предвещал средний урожай, “мешок” — плохой. Ну, а если последнее зернышко вышло под слово “пусто”, считалось, что год будет неурожайным, голодным.

В новогоднюю ночь спать не полагалось. Поэтому молодежь веселилась до утра. Под утро веселье выплескивалось на улицы. Тут также звучали песни, продолжались гадания. Раскинутыми руками захватывали как можно больше досок забора и считали — чет или нечет. Чет указывал на женитьбу. Кто-то чужим голосом спрашивал под окном имя будущего мужа или жены. Кто-то оставлял на снегу свое изображение. Если к утру этот след на снегу будет чистым — то весь будущий год будет счастливым. И так продолжалось до самого утра.

А наутро уже кто-то выводил из ворот пару коней, запряженных в санирозвальни, и начинались новогодние катания — обязательная часть праздника сурхури. Утром парни развозили своих новых подруг из соседних деревень. А днем уже каталась вся деревня. Катания посолонь символизировали солнцеворот и извещали о повороте природы на весну.

НАРТУКАН

Нартукан (нартăван) — один из праздников новогоднего цикла, распространенный среди закамских и приуральских чувашей, а также обряд гадания на кольцах под новый год. Нартукан начинался 25 декабря, в день зимнего солнцестояния, и длился целую неделю. Он соответствует празднику сурхури у верховых и низовых чувашей.

Для проведения праздника выбирался возведенный в истекшем году новый дом. Чтобы хозяин не отказал, во время строительства дома молодежь устраивала коллективную помощь (ниме) — бесплатно работала на вывозе строительных материалов и возведении дома. Этот дом назывался домом нартукана.

Во время нартукана детвора с утра катается с гор на санках. С наступлением сумерек над деревней то тут, то там раздаются возгласы: “Нартукана-а-а! Нартукана-а!”, т. е. “На нартукан!” Парни собираются группами и, уговорившись между собой, расходятся по домам наряжаться в святочные дедов и в святочные бабок. Парни наряжаются преимущественно в женские одежды, девушки — в мужские. Через некоторое время ряженные высыпают на улицу и начинают ходить из дома в дом. Кого только нет среди ряженных: здесь и торговец-татарин, и комедиант с медведем, и марийка-сваха, и верблюды с лошадей, и цыганка-гадалка... Возглавляют процессию “старик” с кнутом и “старуха” с прялкой и веретеном... Парней прежде всего интересуют те дома, в которых живут их

избранницы или же приглашенные на праздник нартукан из других деревень гости. В обычные дни в эти дома они ни за что бы не вошли, но сегодня это можно сделать под покровом маскарадной одежды.

Начинается шествие по заранее намеченным домам. В каждой избе с разными вариациями разыгрывается следующая смешная сценка. Одетый старухой парень садится за прялку и начинает прясть. Переодетая стариком девушка, помахивая помелом, начинает браниться и укорять, грозитя приклеить старуху к прялке. Тут же она выхватывает у одного из сопровождающих бутылку с водой и выливает на подол присутствующих. Все это проделывается с большим юмором. Под конец все ряженные начинают плясать под музыку и шумный аккомпанемент печной заслонки, трещоток. Приглашают на танец и хозяев дома, особенно девушек. Парни в женских костюмах и масках стараются высмотреть девушек-гостей, вызывая их на танец... Потешивши вдоволь хозяев, толпа ряженных с пляской и шумом отправляется в другой дом.

Еще днем парни через сестер и родственниц приглашают всех девушек в избранный для проведения праздника дом. Девушки приходят в лучших нарядах и усаживаются вдоль стен. Почетные места предоставляются девушкам, прибывшим из других деревень. Когда собираются все приглашенные, начинаются игры, танцы и песни.

Наконец кто-то из девушек напоминает, что пора бы сходить за водой и начать гадания на кольцах. Вот откликнулись двое парней, пригласили двух девушек сопровождать их на речку. После недолгих уговоров девушки соглашаются и выходят из круга. Одна из них берет ведро, другая — полотенце. Парни берут топор, чтобы прорубить прорубь, а также пучок лучинок и зажигают его. При свете лучин все четверо отправляются за водой.

На речке парни выкупают у водяного воду — бросают ему в прорубь серебряную монету. Девушки зачерпывают воду, бросают в ведро колечко и монету, покрывают ведро вышитым полотенцем и, не оглядываясь, возвращаются. У дома ведро передается одному из парней. Он, неся полное ведро на мизинце, вносит его в избу и ловко ставит на приготовленное посредине круга место. Затем одну из девушек выбирают ведущей. После долгих уговоров она соглашается и с зажженной свечкой в руках садится у ведра. Остальные девушки усаживаются вокруг, а парни встают кругом за девушками. Ведущая проверяет, на месте ли колечко и монета. Это колечко называется царь-кольцом и остается в ведре до конца гадания. Ведущая у всех берет кольца и перстни, опускает их в воду и перемешивает. Парни и девушки начинают праздничную ритуальную песню.

“Коней запряг и вывел за ворота. Скажи, куда ты, милый, собрался? Оставь на счастье мне свое колечко. Если долго колечко из воды не покажется, не подумай, что оно уже растворилось. И днем я жду, милый, и ночью жду, не подумай, что я тебя уже позабыла”.

После каждого куплета ведущая вынимает из ведра кольцо и спрашивает, чье оно. Считалось, что в будущем году в жизни владельца кольца обязательно случится то, о чем пелось в песне. Особое значение придавалось царь-кольцу. Когда выходил царь-перстень, и избе воцарялась тишина. Все задумывались о значении песни, ибо, по поверью, царь-перстень возвещал будущие изменения в жизни всего общества.

Гадание прекращалось далеко за полночь, когда вынималось последнее кольцо. Только царь-перстень и серебряная монета оставались в ведре. В завершение гадания ведущая в сопровождении двух парней, при свете зажженных лучин выносила ведро на крыльцо и выливала воду. Монета и царь-перстень выпадали на землю. При этом обращали внимание на то, какой стороной вверх падает монета: орлом или решкой. Если монета упала вверх орлом, то это считалось добрым предзнаменованием. Вернувшись домой, ведущая рассказывала всем, какой стороной упала монета.

После гадания на кольцах снова начинались тайны, песни, игры. В разгар праздника в избу врывались ряженые, и веселье разгоралось с новой силой.

Вот один из ряженных, судя по всему — башкир, ведет за недоуздок двух других, одетых верблюдом. Находятся покупатели и начинают торговаться. Сторговались, заплатили щепками, бьют по рукам и договариваются о магарыче. Купивший верблюда сажает на него верхом маленького мальчика и возит его по избе. Верблюд бьет головой и ногами присутствующих, хочет сбросить мальчика и вырваться на волю. Хозяин же ходит от одного к другому, спрашивая, где кабак. Те показывают друг на друга, толкают его, начинается кутерьма. Входят двое других — арестанты-колодники, грабители-разбойники. Они отбирают у людей шапки и кладут в свои котомки. Только набрали полные котомки — вбегает исправник с двумя стражниками. Грабители тут же прячутся в угол за печку. Исправника сажают на почетное место — на нары. Но кто-то успел вынуть одну доску, и исправник проваливается под нары. Выбравшись из-под нар, он требует самовар. Ему подносят разбитый, кое-как склеенный кувшин. Кувшин тут же распадается, и исправник обливает себя с головы до ног. Наконец он требует, чтобы к нему привели колодников. При обыске находит много шапок и спрашивает, чьи они и зачем собраны. Колодники, вытаскивая одну шапку за другой, рассказывают разные смешные истории о том, чьи они и как попали к ним. Исправник возвращает шапки хозяевам и требует вознаграждения в виде песен, танцев или дает какие-либо другие трудные или смешные задания. После этого исправник призывает хозяина шапки и спрашивает, правильно ли говорят колодники. Некоторые признаются, что правильно. Исправник тут же присуждает их к ссылке в Сибирь вместе с колодниками. Другие отказываются, и их исправник наказывает ударами кушака. После того как

всем возвращают шапки, исправник приказывает запрячь колодников в сани и таким образом выезжает в сени.

После ухода ряженных начинаются всевозможные гадания. На рассвете все расходится по домам. Веселье не прекращается и на улице. Местами нартукан справляли в течение трех дней, местами через день три раза, местами пять и даже семь дней подряд.

Нартукан закамских и приуральских чувашей соответствует святочному празднику нардуган татар, башкир и удмуртов, мордовскому нардава (нардван).

КАШАРНИ

Ка́шарни, местами керещенкке, — праздник новогоднего цикла. Праздновался чувашской молодежью в течение недели. После введения христианства совпал с русскими святками и крещением. Первоначально этим праздником отмечался период зимнего солнцестояния.

Слово ка́шарни, видимо, только внешне несколько походит на русское крещенье (к нему восходит вариант керещенкке). В буквальном смысле ка́шарни — “зимняя неделя”.

Для проведения ка́шарни молодые люди нанимали какой-нибудь дом и варили в нем так называемое девичье пиво. Для этого со всей деревни собирали складчину: солод, хмель, муку и все необходимое для угощения односельчан, а также гостей, приглашаемых по этому случаю из соседних деревень.

За день до крещения девушки собирались в этом доме, варили пиво и стряпали пироги. Вечером в дом собиралась вся деревня от мала до велика. Девушки сначала угощали пивом стариков и родителей. Благословив молодых на счастливую жизнь в наступившем новом году, старики вскоре расходились по домам. Молодежь проводила этот вечер в увеселениях. Всю ночь звучали музыка и пение, парни и девушки плясали под частушки. Важное место в праздновании ка́шарни занимали всевозможные гадания о судьбе.

В полночь, когда деревня уже засыпала, несколько человек уходили в поле. Здесь, на перекрестке дорог, укрывшись покрывалами, слушали, кому какой звук послышится. Если кто услышит голос какого-нибудь домашнего животного, то говорили, что он будет богат скотом, если же кто услышит звон монет, то полагали, что будет богат деньгами. Звон колокольчика и музыка волынки предсказывали свадьбу. Много было в эту ночь и других гаданий, но молодые люди чаще гадали о женитьбе и замужестве. Это и понятно, так как по чувашскому обычаю именно в новогодний период родители молодых засылали сватов.

Во время празднования ка́шарни по дворам ходили ряженные. Они разыгрывали всевозможные сценки из деревенской жизни. Ряженные непременно навещали дом, где молодежь праздновала ка́шарни. Здесь они показывали

различные комические сценки. Однако первоначально роль ряженных сводилась к изгнанию из села злых духов и враждебных человеку сил старого года. Поэтому в период от рождества до крещения вечерами ряженные ходили с кнутами и имитировали битье всех чужих.

На другое утро наступало так называемое водокрещение. В этот день отмечается Крещение Господне — один из двенадцатых праздников русской православной церкви. Установлен этот праздник в память об описанном в евангелии крещении Иисуса Христа Иоанном Крестителем в реке Иордан. В старину в этот день совершался церковный обряд “великого освящения воды на Иордане”, который чаще всего проводился в проруби, пробитой в ближайшей реке или пруду. После завершения церковных обрядов священники шли в храм, и у проруби собиралась молодежь. Были здесь в основном ряженные. Чтобы очиститься от скверны, нанесенной нечистой силой при ее изгнании, надо было искупаться в проруби. Смельчаки действительно купались в проруби, но обычно ряженные отмывались в бане. После крещенской бани ряженные уже больше не появлялись, новогодний цикл праздников завершался. Однако молодые люди долгими зимними вечерами собирались на посиделки и еще долго вспоминали и веселые проделки ряженных, и новогодние потехи.

ЇАВАРНН

Їаварни — веселый праздник проводов зимы и встречи весны, соответствует русской масленице. Само слово “Їаварни” является переводом (калькой) русского “масляная неделя” — њу эрни. Празднование приурочивалось к периоду весеннего равноденствия и начиналось в четверг. У большинства чувашей масленица продолжалась две недели. Первая неделя называлась большая масленица, а вторая — малая масленица. Позднее, в связи с распространением христианства, масленицу начали отмечать в течение одной недели от воскресенья до воскресенья.

В деревнях молодежь устраивала катания на лошадях, обвешанных колокольчиками и бубенчиками, украшенных платками и полотенцами. Детвора каталась с гор на салазках. Праздник открывали дети. Каждый стремился как можно раньше выйти на горку, где традиционно проводились масленичные торжества. Того, кто первым прокладывал санный путь, в деревне называли “открывающим путь вешним водам”, он пользовался всеобщим уважением. Ему, как самому проворному из всех ребят, доверяли начинать весенний сев.

Катание с гор носило иносказательное название, буквально переводимое как “ломание воробьиных ног”. Каждый из ребят при первом спуске с горы сыпал конопляные семена и приговаривал: “Пусть в этом году лен и конопля будут долгими!” На этот случай бытовали также и ритуальные приговорки. Пока салазки скатывались с горы, ребята громко скандировали праздничные куплеты.

Приговаривали до тех пор, пока салазки не останутся. Бытовало такое верование: кто сколько успеет высказать просьб, то и сбудется.

Ближе к обеду на гору выходили молодки и катались на прялках, а к вечеру их заменяли пожилые женщины. Считалось, что скатывание с гор на донце прялки приносит успех в женских делах — обработке волокна, прядении и ткачестве, изгоняет всякую хворобу.

В некоторых местностях в масленицу ходили ряженные “масленичные бабки” и “масленичные деды”. Они разъезжали по деревне на разукрашенных лошадях и всех встречных били соломенными или настоящими пастушескими кнутами. По народным представлениям, ряженные были призваны изгонять из селения злых духов и болезни, т. е. духов зимы.

В центре села на высоком месте устраивали из смоляных бочек, старых колес и снопов чучело “масленичной бабы”. Его устанавливали на больших старых санях. Чучело олицетворяло одряхлевшую хозяйку зимы. День проводов масленицы отмечался особенно торжественно и весело. По деревням с пением и музыкой разъезжала молодежь на парах и тройках лошадей. Катания продолжались с утра до поздней ночи. Молодежь объезжала посолонь (по ходу солнца) всю округу, приглашала родственников из других деревень на проводы масленицы. Взрослые и старики устраивали традиционные обрядовые пиршества с блинами и колобками. Обрядовое печенье на масленицу непременно делалось с масляной лункой сверху. Все одаривали друг друга подарками, угощали масляными блинами, орехами, семечками.

Ближе к полуночи все гостившие у родственников возвращались в родную деревню. Ровно в полночь торжественно зажигали красовавшееся целую неделю чучело “масленичной бабы” и скатывали с горки. Вокруг жарко горящего костра собиралась вся деревня. Подъезжали на санях запоздавшие и бросали в затухающий костер новые порции соломы. Еще долго продолжались масленичные песни и пляски вокруг пылающего костра. Жаркий костер извещал о последних днях колдуньи-зимы и своим теплом напоминал о наступившей весне.

ВИРЁМ

Вирём — весенний праздник верховых чувашей, посвященный изгнанию из селений злых духов старого года. Традиционно этот праздник проводился накануне великого дня (мӑнкун). После распространения христианства языческий праздник мӑнкун совпал с православной пасхой, а вирём был приурочен к вербному воскресенью. (У низовых чувашей аналогичный праздник называется сёрен).

Накануне праздника проводятся ежегодные поминовения предков. В день вирём молодые ребята идут в лес и заготавливают рябиновые прутья. После возвращения из леса начинается подворный обход деревни. Ребята с музыкой,

песнями и плясками обходят всю деревню посолонь, начиная с крайнего восточного дома. Их встречают гостинцами, приглашают в избу и угощают кто чем может. Ребята бьют рябиновыми прутьями по углам и стенам каждого строения, чтобы изгнать злых духов. Ударяют также хозяев дома и скотину, чтобы изгнать всякую хворобу. За это им хозяева дают яйца, колобки, пирожки, орехи.

Обойдя таким образом всю деревню, ребята собираются вечером где-нибудь за деревней, непременно около кладбища. Сюда же к ним приходят несколько стариков, хорошо знающих старинные обряды и молитвы. Помолвившись за здоровье и благополучие односельчан, все начинают ритуальную трапезу. Руководители праздника раздают каждому поровну яйца и другие угощения. Дети тут же начинают играть в особую игру с использованием подаренных вареных яиц.

Поздно вечером за деревней в овраге ребята зажигают костры из старых лаптей. Когда костер разгорится, бросают в огонь рябиновые прутья. Снимают с себя одежду, шапки и бросают вверх, приговаривая: “Пусть всякая нечисть и всякая хвороба уходят из селения!” Перед тем, как разойтись по домам, начинают перепрыгивать через костер. Тот, кто трижды перепрыгнул, во весь дух бежит в деревню, так как считается, что нечистая сила и болезни пристанут к тому, кто последним добежит до околицы.

В деревне веселья и игры продолжаются до позднего вечера. Дети играют в различные игры, поют песни, пляшут под музыку.

На другой день начинается ма́нкун. Веселье детворы продолжается целую неделю.

СЁРЕН

Сёрен — весенний праздник низовых чувашей, посвященный изгнанию из селения злых духов. И само название праздника означает “изгнание”. Сёрен проводился накануне великого дня (ма́нкун), а местами также перед летними поминками усопших предков — перед сѣмѣк.

Накануне праздника вся сельская молодежь, приготовив трещотки и рябиновые прутья, собирается у почтенного старца и просит у него благословения на доброе дело:

— Благослови нас, дедушка, по старинному обычаю отпраздновать сёрен, попросить у Туря́ милости и богатого урожая, пусть он не допустит до нас злых духов, дьяволов. Старец на это им отвечает:

— Доброе дело затеяли, молодцы. Так не оставляйте же добрых обычаев отцов и дедов.

Затем молодежь просит у старца землю, чтобы им можно было пасти овец хотя бы одну ночь. “Овцы” в ритуале — дети 10—15 лет.

Старик им отвечает:

— Я бы вам дал землю, но она у меня дорогая, у вас не хватит денег.

— А сколько ты просишь за нее, дедушка? — спрашивают парни.

— За сотню десятин — двенадцать пар рябчиков, шесть пар баранов и три пары быков.

В этом иносказательном ответе под рябчиками подразумеваются песни, которые должны спеть молодые люди во время обхода деревни, под баранами — яйца, под быками — калачи, которые должны собрать ребята, принимающие участие в совершении обряда.

Потом старик выкатывает бочку пива, и сюда собирается столько народу, сколько может вместить двор. При такой публике старик в шутку допрашивает выборных о том, нет ли какой-либо жалобы. Выборные начинают жаловаться друг на друга: пастухи плохо караулили овец, кто-то из выборных брал взятку, присвоил общественное добро... Старик налагает на них наказание — тысячу, пятьсот или сто плетей. Виновных тут же «наказывают», и они притворяются больными. Хворым подносят пиво, и они выздоравливают, начинают петь и плясать...

После этого все выходят на выгон за околицу. Тут собирается вся деревня. Почетные старцы берут с выборных руководителей отчет. Те выкладывают все, что удалось собрать: яйца, калачи, пироги, сурбаны, полотенца и пр. Тут начинаются соревнования по конным скачкам, борьбе, бегу наперегонки. Победителей награждают сурбанами, вышитыми полотенцами, яйцами.

После соревнований зрители расходятся по домам, участники же обряда уходят в сторону кладбища к западу от деревни. Там в овраге собирают хворост, солому и зажигают костер. Вокруг костра втыкают все рябиновые прутья, которыми изгоняли злых духов. Все трижды перепрыгивают через костер.

В стороне от костра раскладывают белый войлок. Выборные раздают яйца и другие гостинцы детям, и все угощаются. После трапезы все раздеваются, трижды подбрасывают вверх верхнюю одежду и шапки. Делается это для того, чтобы изгнать спрятавшихся там злых духов. Старики приносят в жертву умершим сородичам остатки съестного и молятся. А молодежь, трижды перепрыгнув через огонь, вперегонки возвращается в деревню.

КАЛАМ

Калам — один из традиционных праздников весеннего обрядового цикла, посвященный ежегодному поминовению усопших предков. Некрещеные чуваша калам праздновали перед великим днем (ма́нкун). У крещеных чувашей традиционный ма́нкун совпал с христианской пасхой, а калам вследствие этого — со страстной неделей и лазаревой субботой. Во многих местах калам слился с ма́нкун, а само слово сохранилось только как название первого дня пасхи.

С глубокой древности многие народы наступление нового года отмечали весной. Своими истоками весенние праздники восходят к новогодним торжествам. Только позднее, в связи с неоднократными изменениями календарной системы, первоначальный весенний новогодний обрядовый цикл распался, ряд ритуалов этого цикла был перенесен на масленицу и праздники зимнего цикла. Поэтому многие ритуалы этих праздников совпадают или имеют однозначный смысл.

Чувашский языческий калѣм начинался в среду и продолжался целую неделю до ма́нкуна. Накануне топили баню якобы для усопших предков. Специальный посыльный верхом ездил на кладбище и приглашал всех умерших родственников помыться и попариться. В бане духов усопших родственников парили веником, после себя оставляли для них воду и мыло.

Первый день праздника назывался малый калѣм. В этот день рано утром в каждом доме снаряжали одного парня рассыльным. Он верхом на коне объезжал всех родственников. По этому случаю лучшего коня покрывали узорной попоной. В гриву и хвост заплетали разноцветные ленты и кисти, красной лентой подвязывали хвост коня, на его шею надевали кожаный нашейник с бубенчиками и колокольчиками. В лучшую одежду одевали и самого парня, на шею повязывали специальный вышитый платок с красной шерстяной бахромой.

Подъезжая к каждому дому, посыльный, трижды стуча кнутовищем в ворота, вызывал хозяев на улицу и стихами приглашал на вечер “посидеть под свечами”.

Родители в это время резали какую-нибудь живность. В середине двора обычно находилось специально огороженное место — главное мольбище. В центре этой строго ориентированной по сторонам света четырехугольной ограды стояло сухое дерево с семью ветвями. Дерево это украшалось резным орнаментом в семь полос, на вершинах семи ветвей вырезались человеческие личины, изображавшие божества. Чуваши-язычники любую живность резали в оградке у этого дерева. Место это, куда в обычное время не ступала ничья нога, считалось чистым, священным. После массового крещения чувашей таких оград не стало, и живность в ритуальных целях стали резать у какого-либо столба в хозяйстве. Посвященное умершим животное резали обязательно на западной, обращенной к кладбищу стороне подворья, на задах. Перед тем, как резать животное, в священной оградке зажигали небольшой костер из старых изношенных лаптей и соломы. Голову, ноги и потроха жертвенного животного сжигали. В огонь бросали также несколько щепоток перьев, это символизировало дарование усопшим родителям перины и подушки. Тушку жертвенного животного не расчленяли, а варили целиком. Для поминок обязательно пекли блины, другие мучные изделия, в том числе ритуальные лепешки пашалу и юсман, варили на мясном бульоне кашу.

Вечером вся родня собиралась в доме главы рода. На ритуальном столе должны были находиться непочатый каравай хлеба, круг сыра, яйца. По случаю

поминок распечатывали непечатую бочку пива. Трапезу начинали только после соответствующей молитвы. Перед молитвой каждому давали по ломтику хлеба и кусочку сыра, подносили кружку пива. Глава рода — самый старший, умудренный жизненным опытом мужчина — зажигал на центральном столбе большую “домовую” свечу, у дверной стены зажигали свечки поменьше, по числу умерших родичей, затем аксакал притворял дверь, и все начинали молиться. Молящиеся стояли в верхней одежде, мужчины держали головные уборы под мышкой.

После окончания молитвы съедали кусочки хлеба и сыра, выпивали налитое в кружки пиво. При этом часть еды откладывали в специальную посуду, поставленную около главного столба в качестве жертвоприношения умершим родичам. В другую посуду отливали немного пива и других напитков.

Затем начиналась трапеза. Существовал детально регламентированный ритуал застолья. По поручению хозяина дома этот ритуал вел один из уважаемых, хорошо знающих обряд членов рода. После завершения обрядовой части начиналось обычное веселье с песнями и танцами.

Таким образом по очереди обходили дома всех родственников. Перед уходом гости усаживали хозяев дома во главу стола, а сами вставали перед ними на колени и пели “поклонную” песню, предназначенную для этого случая. Хозяева дома поочередно благословляли всех собравшихся и желали им богатой и благополучной жизни, здоровья и успехов.

После благодарственного поклона хозяевам гости уходили в другой дом. Оставшиеся дома старики выносили сосуды с жертвенной пищей во двор и с молитвами выливали содержимое у родового столба. Затем они также уходили в очередной дом, чтобы продолжить празднество. Такие торжества продолжались в течение нескольких дней.

Последний день недели назывался асла калам (большой калам). В этот день ребята “изгоняли” из деревни злых духов, “загостившихся” покойников, болезни и колдунов. Обряд изгнания у верховых чувашей назывался вирём, у низовых — сёрен. Чувашаи полагали, что в последний день колдуны проявляют особую активность. В эту ночь они должны навестить сорок один водоем, попасть на сорок одно кладбище и отчитаться перед своим главой Шуйтаном о своих деяниях в истекшем году. Считалось, что колдуны превращаются в различных животных и птиц и рыщут по деревням в поисках жертвы. Чтобы обезопасить себя от козней колдунов, в этот день вокруг домов и хозяйственных построек возводили “тимёр карта” (“железную ограду”) — очерчивали поворье острым железным предметом, окуривали огороды и скотные дворы можжевельником. Вечером парни ходили по селу с трещетками, большими кнутами, прутьями и “изгоняли” колдунов. На перекрестках улиц и пустырях, а также у водоемов жгли костры, стреляли из ружей. Видимо, часть этих обрядов пришла к чувашам с представлениями о страстной неделе.

Чуваши верили, что после аслă калăм старыйй год со всеми своими злыми духами канул в лету, наступал мӑнкун (великий день) — первый день нового года.

МӐНКУН

Мӑнкун — праздник встречи весеннего нового года по древнечуваشمскому календарю. Название мӑнкун переводится как “великий день”. Примечательно, что первый день весеннего нового года язычествующие восточнославянские племена также называли Велик День. После распространения христианства чувашский мӑнкун совпал с христианской пасхой.

По древнечуваشمскому календарю мӑнкун отмечался в дни весеннего солнцеворота. Чуваши-язычники начинали его в среду и праздновали целую неделю.

Рано утром детвора выбегала встречать восход солнца на лужайку в восточной стороне от деревни. По представлениям чувашей, в этот день солнце восходит пританцовывая, т.е. особенно торжественно и радостно. Вместе с детьми на встречу нового, молодого солнца выходили и старики. Они рассказывали ребятам древние сказки и легенды о борьбе солнца со злой колдуньей Вупӑр.

Старики сказывают, что каждый год перед пасхой чувашские батыры ходят дружиной на восток, чтобы вызволить солнце из рук злой колдуньи. И все чуваши празднуют в честь освобождения солнца светлый праздник мӑнкун.

В момент восхода солнца старики осыпают детей зерном, хмелем. Дети, борясь друг с другом, валяются по земле, чтобы весь год быть здоровыми. После восхода дети возвращаются в деревню. У ворот их встречают взрослые с гостинцами, зазывают в дома, угощают сладостями, орехами, колобками и непременно — крашеными яйцами. Считается, что дети, первыми встретившие солнце, приносят в дом счастье, здоровье и благополучие. По первым гостям судили о будущем приплоде скота. Если приходил мальчик, считалось, что коровы принесут бычков, овцы — баранов. Телки и ярочки были желаннее, поэтому мальчики старались пропустить вперед себя девочек. Зашедшего первым на руках переносили в передний угол и сажали, подложив подушку, на стул перед столом, угощали как можно лучше. Дети при этом должны были сидеть смирно, иначе, якобы, птицы не будут высиживать птенцов.

К великому дню на центральной площади или на солнечном пригорке взрослые устраивали для детей качели. Весь день около них играла детвора. Играли в разные игры: в чижика, лапту, альчики, козны. Непременно играли в яйца. При этом верили, что кому сопутствует удача, того ожидает большой приплод скота и богатый урожай яровых хлебов. Одно из выигранных яиц припасали до весеннего сева и перед началом сева зарывали в борозду. Вечерами дети расходились по домам, а у качелей оставались парни и девушки.

Взрослые в эту праздничную неделю ходили в гости к родственникам. Непременно приглашали в гости названных отцов и матерей новорожденных детей, новых зятьев и сватов, а также других родственников. В гости ходили с большим количеством гостинцев, обычно приносили семь или девять видов съестных припасов, а также каждый — свое пиво. Большое количество гостинцев должно было способствовать богатству и благополучию хозяев. В свою очередь хозяева также старались богато одаривать гостей. Отцы и матери — восприемники детей приносили им по рубашке. Дети же должны были отдариваться рубашками в будущем на своей свадьбе.

Каләм и мәнкун — два праздника, непосредственно следующие один за другим. Первый из них посвящен проводам старого года, поминовению умерших предков, изгнанию злых духов, а второй — встрече нового года, угощению молодых родственников, благославлению новорожденных и новобрачных, встрече нового солнца, ожиданию новых радостей и удач в жизни. По этому поводу чуваша говорили: “Каләм — каялла, мәнкун — малалла”, (каләм смотрит вспять, в прошлое, а мәнкун — вперед, в будущее). Сегодня этот праздник — день торжественной встречи родни, клановый день.

АКАТУЙ

Акатуй весенний праздник чувашей, посвященный земледелию. Этот праздник объединяет ряд обрядов и торжественных ритуалов и разделен на две части. В старом чувашском быту акатуй начинался перед выходом на весенние полевые работы и завершался после окончания сева яровых. Название акатуй сейчас известно чувашам повсеместно. Однако сравнительно недавно верховые чуваша этот праздник называли сухатуй (суха “пахота” — туй “праздник, свадьба”), а низовые — сапан туйё или сапан (из татарского сабан “плуг”).

После великого дня чуваша начинали готовиться к весенним полевым работам: ремонтировали сельскохозяйственные орудия, готовили семена. В последних числах апреля, перед выходом на пашню, начинали готовиться к торжествам по случаю полевых работ. Для проведения ритуальной части заранее варится пиво, готовятся съестные припасы, красятся яйца. Празднование акатуя в разных домах начинается в разные дни. Праздник продолжается неделю. Приготовившийся к празднику в определенный день созывает родственников и соседей. К их приходу в избе накрывается богатый стол. Во главу стола ставится алтәр (братина) с пивом, в середину стола на специальном вышитом полотенце — блюдо с караваем хлеба и кругом сыра.

Как только соберутся все приглашенные, хозяин назначает одного знающего ритуал старца руководителем, и тот приступает к исполнению своих обязанностей. Каждому из присутствующих подносится кружка пива, раздается по кусочку

съестного, изготовленного из зерна и из животных продуктов. Обычно это бывает ломтик калача с сыром или с маслом. Как только раздача заканчивается, руководитель запекает старинную песню “Адран кайми аки-сухи” (“Сев и пашня — вековечное дело наше”), и все подхватывают этот гимн земледельческому труду. После завершения песни под руководством старца все совершают моление, обращаясь, по обыкновению, в сторону приоткрытых дверей. В старом чувашском быту все дома в деревне строились дверями на восток. Тюркские народы с незапамятных времен совершали свои молитвы, обращаясь в сторону восхода солнца. Эта традиция удерживалась чувашами вплоть до начала XX века.

В молитвах чувашаи испрашивали у всевышнего Бога и подчиненных ему добрых духов обильного урожая, прибыли скота, богатства и здоровья членам семьи, всем родственникам, соседям и знакомым. После завершения молитвы все съедали свою долю, выпивали свои кружки и усаживались за стол. Тут начинался пир горой. Обильное угощение должно было способствовать такому же обильному урожаю хлебов.

Для завершения ритуальной части праздника каждая родственная группа выходила в озимое поле. С собой брали каравай пшеничного хлеба, круг сыра, яйца, пшеничные или ячменные колобки, пироги, шыртан и, разумеется, пиво. Все припасы несли чинно, торжественно. Хлеб с сыром несли на резной тарелке, а тарелку держали перед собой на богато вышитом ритуальном полотенце, резное ведро с пивом также покрывали вышитым полотенцем. Все участники ритуала в праздничном одеянии. Шли песней, предназначенной для этого случая.

В поле все устраивались в конце загона, обращаясь лицом на восток. Старший родич, обращаясь к духам земли, читал молитву и “угощал” их кусочками принесенных съестных припасов и пивом. Каждый из присутствующих в честь духов земли отливал несколько капель пива и разбрасывал по озимому клину крошки хлеба и сыра.

После завершения молитвы молодежь начинала гадания на яйцах и палках. Ребята бросали в поле яйца и смотрели, у кого яйцо разбилось, а у кого нет. Верили, что целое яйцо предвещает богатый урожай яровых хлебов. Таким же образом гадали на палках. Дурным признаком считалось, когда палка ложится по линии с запада на восток, т.е. в положении, в каком хоронят покойников. После гаданий в поле начинались песни, пляски, веселье.

Возвращались с поля только к вечеру. Проведение этих обрядов было обязательным для каждого. Нарушителям от сельского общества не будет житься. Все верили в силу обряда, думали, что таким образом можно повлиять на будущий урожай. Игнорирование традиций, по представлениям чувашей, навлекало беду на все сельское общество, могло вызвать засуху, холода или градобитие. Вся деревня, проведя ритуальную часть праздника акатуй, выходила на весеннюю пахоту. Каждый мало-мальски значимый этап весенних полевых работ был

обставлен целым рядом магических обрядов, молитвословий, запретов и т.п. Особо отмечались почин первой борозды, вывоз в поле семян, начало сева и его завершение.

По окончании всего цикла весенних сельскохозяйственных работ проводилась вторая торжественная часть праздника акатуй. В этнографической литературе термин “акатуй”, часто объясняется как “свадьба плуга”, но это не совсем верно. Гораздо правильнее будет перевести “акатуй” как “праздник земледелия”: весь ход праздника показывает, что он посвящен завершению весенних полевых работ.

К самому торжественному заключительному циклу акатуя начинали готовиться заранее. По улицам верхом на лошадях гарцевали юноши. Они собирали призы для награждения победителей на соревнованиях. Молодежь разъезжала по деревне с длинным шестом, к которому молодухи привязывали свои лучшие вышитые полотенца и тканые пояса. Другие несли плетеные сумки — пещтёр — для сбора яиц. В некоторых местах парни вышитые полотенца затыкали рядами за пояс, так что образовывалось нечто вроде фартука или юбки. Почти каждый дом жертвовал на акатуй какую-нибудь вещь. Богатые люди жертвовали иногда деньги, на которые покупали барана.

Молодые люди для участия в скачках подготавливали лошадей, щедро кормили их овсом, иные даже давали сырые яйца. Накануне праздника молодежь выезжала на конях и устраивала пробные соревнования “для разогрева ног коней”. Для проведения соревнований составлялось своеобразное жюри из почтенных и влиятельных стариков, которое признавалось не только жителями данной деревни, то и всей округой.

В день акатуя деревня принимала праздничный вид, на улицах царило веселое оживление. Соревнования происходили на лугу за деревней. Обычно выбирали место рядом с рекой и лесом. Еще до полудня население деревни начинало стекаться на традиционное место проведения конных скачек. Впереди шли выборные старики. Вместе с ними верхом на коне ехал один из парней, который нес длинный шест с привязанным к верхнему концу полотном — своеобразной эмблемой праздника. Многие отправлялись на акатуй на подводах, тарантасах. Лошадей и сбрую празднично украшали, в гривы вплетали разноцветные ленты и кисти из шерстяной пряжи, дугу обертывали цветной тканью или полотном.

На опушке леса на почетном месте усаживались старики — члены комиссии. Около них вкапывали в землю длинный шест с полотном на верхнем конце — флаг акатуя.

Когда народа собиралось достаточно, начинались состязания: бег, скачки, прыжки, борьба, стрельба из лука по цели и т. д. Как правило, состязания начинали мальчишки. Сначала соревновались в беге на полверсты. Победители получали до десятка яиц. Детей сменяли взрослые, они бежали на дистанцию от одной до двух верст.

Самым популярным видом соревнования на акатуе является борьба на поясах. В качестве пояса используется полотенце. Каждый борец держит полотенце в руках, охватывая им талию противника. Борьбу также начинали мальчишки, постепенно очередь доходила до взрослых. Оставшийся непобежденным борец получал титул богатыря (паттър). Его обычно награждали бараном. Одним из центральных моментов на состязаниях праздника акатуй были конные скачки на три, пять, иногда и до восьми верст. Победителям скачек дарили вышитые полотенца, призы обычно привязывали к шеям лошадей.

Праздник акатуй украшали разнообразными шуточными соревнованиями типа “бега в мешке”, “бега на трех ногах”, “разбивания горшка”, “молодушки с коромыслом” и т. п. Силу и ловкость показывали в таких играх, как бой с мешками на бревне, поднятие гирь, различного рода перетягивания и т. д.

После состязаний молодежь разбивалась на несколько возрастных групп, и каждая из них затевала свои игры. Парни и девушки устраивали пляски, пели песни. Веселье продолжалось до позднего вечера.

Старики и семейные пары возвращались в деревню сразу же после окончания состязаний. Они приглашали к себе домой приезжих из соседних деревень родственников и знакомых и пировали допоздна.

Деревни обычно старались проводить акатуй в разное время. Поэтому молодежь, да и взрослые успевали погулять на нескольких праздниках кряду: в своей и соседних деревнях. В состязаниях по борьбе участвовали богатыри нескольких деревень, и таким образом выявляли чемпиона всей округи. Такой паттър пользовался всеобщим уважением.

У кочевых в прошлом народов соревнования в силе, ловкости и меткости имеют очень древние истоки. Их смысл не столько спортивный, сколько практический, общественный. На общеродовых состязаниях, проводимых ранней весной, выявлялись самые сильные, ловкие и меткие мужчины. На период сезонных летних перекочевок эти богатыри становились во главе всего рода. От их силы, сообразительности, смелости, ловкости и меткости зависело благополучие всего кочевого сообщества. Кто, кроме такого батыра и его дружины, мог в степи спасти основное богатство рода — его стада — от многочисленных врагов? Поэтому богатыри становились предводителями родов (улпут). Не случайно в чувашском языке слова улап “богатырь, герой, исполин” и улпут “барин”, “князь”, “сановное лицо” одного корня. Это говорит о том, что у далеких предков чувашей спортивные состязания во время праздников весенне-летнего цикла имели чрезвычайно большое значение. Они служили самым демократическим и эффективным способом выбора предводителей родов и племен. Даже после почти полной утраты кочевнических традиций эти состязания как важное средство сохранения благополучия рода сохранились и органически вошли в состав земледельческих праздников.

ЏИМЁК

Џимёк — летний праздник, посвященный поминовению усопших родственников с посещением кладбищ. Соответствует христианской троице, именуемой русскими также семик, так как на Руси этот праздник отмечался в четверг седьмой недели после пасхи. Чувашское џимёк восходит к этому русскому слову.

Празднование џимёк среди чувашей распространилось сравнительно недавно, видимо, не ранее середины XVIII века. Тем не менее, многие обряды и ритуалы этого праздника восходят к седой старине. Объясняется это тем, что на симек перенесены многие обрядово-ритуальные действия, первоначально причастные к калам и, отчасти, к юпа. В обрядово-ритуальной стороне праздника можно выделить три основных линии: восходящие к восточнославянскому язычеству, русскому христианству (в его народном проявлении) и чувашскому язычеству.

Несмотря на позднее, в целом христианское происхождение, џимёк широко распространился в быту не только крещеных чувашей, но и язычников. В некоторых местах некрещеные чуваша называют этот день днем выхода усопших (из могил). Возможно, это и есть старое чувашское название праздника, соответствующее русскому семику.

Џимёк начинался спустя семь недель после пасхи, с четверга перед троицей, завершался в четверг троицыной недели. Первый день этой недели назывался асла џимёк (большой семик), а последний — кеёён џимёк (малый семик).

Накануне большого џимёка женщины и дети ходили в лес, урочища и овраги, собирали там лечебные травы и корни. Обычно приговаривали: “На семик надо собрать семьдесят и семь видов разных трав с опушки семи лесов, с вершин семи оврагов”. Из леса возвращались с вениками и ветвями различных деревьев. Эти ветки втыкали к окнам, воротам и дверям строений. Чаще всего втыкали рябиновые ветки, считая, что они предохраняют от злых духов.

Накануне праздника все топят баню, где полагалось приготовить отвар “из семидесяти семи трав” и веник “из семидесяти семи веток”. В баню приглашали умерших предков, для чего специально посылали одного парня на кладбище. В бане парились вениками из разных пород деревьев, мылись отваром разных видов трав. Это считалось целебным средством. Собранные в праздник лечебные травы хранили в течение всего года.

Накануне троицы всем миром совершали поминовение усопших. Для этого заранее варили пиво, в день поминовения с утра пекли блины, пироги и другое съестное. Первые три блина выносили во двор и бросали в костер из старых лаптей, зажженный у родового столба. Так же, как на калам, резали живность — обычно птицу. Когда все было готово, собирали на стол. Хозяин дома или самый старший член семьи зажигал ритуальные свечи у центрального столба, около стены у дверей и вокруг блюд, предназначенных для жертвенной пищи и напитков. Затем

совершал молитву, и домочадцы усаживались за стол. При трапезе каждый член семьи, прежде чем отведать то или иное кушанье, должен был отложить небольшую часть в специальную посуду. При этом каждого усопшего сородича поминали по имени. По традиции полагалось помянуть умершего в течение стольких лет, сколько он прожил на земле. Надо отметить, в старое время каждый чуваш помнил своих предков до седьмого колена, а многие — до девятого и далее колен.

После завершения домашних поминок все шли или ехали на кладбище “проводить покойников”. Ехали на тарансах, украшенных зелеными ветками. Эти ветки ставили для того, чтобы на них устроились души умерших и не тревожили живых. С собой брали бочонок пива, каравай хлеба, круг сыра, блины, яйца и другие припасы, а также сосуды с жертвенной пищей и напитками.

На кладбище совершали моление духам предков, в дар умершим на надгробный столб вешали новое вышитое полотенце, рубашку, женщинам — сурбаны и головные платки. На могилу стелили скатерть, расставляли привезенные с собой кушанья и “угощали” покойников. Приглашали своих родных, соседей, знакомых помянуть умерших родственников, угощали их пивом, вином.

Приглашенные на кладбище почтенные, пользующиеся уважением старцы совершали общую молитву. Вместе с ними вставали на молитву все присутствующие на кладбище.

После завершения молитвы начиналось общее угощение. По древним чувашским представлениям, плакать по умершим было нельзя. Существовало поверье: если по умершему плачут на этом свете, то ему на том свете тоже придется плакать. Поэтому на кладбище играла музыка и звучала специальная поминальная песня. Это была грустная, минорная мелодия. После исполнения ритуальной поминальной песни разрешалось петь и другие песни. Обычно пели гостевые песни, так как пришедшие на кладбище находились как бы в гостях у родственников, ушедших в мир иной. Не возбранялось так же и поплясать. Это как-то должно было увеселить истосковавшихся предков. Согласно поверью, веселье на этом свете передавалось на тот свет, к умершим.

После завершения предписанных ритуалом действий начинали собираться домой. В почву на могиле зарывали одно крашеное яйцо. Разбивали посуду с жертвенной пищей и, пожелав усопшим родственникам до очередных поминок жить своей жизнью и не тревожить живых, отправлялись домой.

В старину чуваш-язычники поминавшие на кладбище совершали в мальи́й сѣмѣк и тогда же “проводили” покойников на кладбище. После “проводов” усопших сородичей можно было веселиться, и молодежь начинала водить хороводы. Наступало самое веселое, праздничное время в году — уяв. Говоря о сѣмѣке, следует учитывать национальный менталитет. Усопшие для чувашей ни в коем случае не мертвецы, они для них вечные жители потустороннего мира. И общения с ушедшими из этого мира помогают нести чувашу тяжкое бремя жизни.

УЯВ

Уяв — весенне-летний период молодежных игрищ и хороводов. Слово уяв буквально означает “соблюдение” (от уя “блюсти”). Первоначально это слово означало просто соблюдение традиционной обрядовой жизни, а позднее так стали называть любой праздник, любое обрядовое торжество.

В разных местах слово уяв имеет различные оттенки значения, да и сами молодежные увеселения проводятся по-разному, верховые чуваша проводили уяв в промежутке между мӑнкун и сӑмӑк. Молодежные игрища и хороводы здесь начинались через неделю после мӑнкун. Во время уява молодежь вечерами собиралась за околицей и устраивала хороводы с танцами, плясками, играми. В это время обычно молодые парни ближе знакомились со своими избранницами. К концу XIX века сезонные молодежные хороводы у верховых чувашей стали исчезать.

Средненизовые чуваша в уяв обычно проводили большие общеродовые игрища. В определенный день в материнскую деревню собиралась молодежь со всех дочерних деревень. Рядом с каждой материнской деревней на лугу, около роши или на лесной поляне, было постоянное место для проведения сборищ молодежи, которые назывались или просто вӑйӑ — “игрища”, или же пуха, тапӑ — “сбор, собрание”. Ко дню тапӑ или вӑйӑ на таком месте устраивалась скамья для музыкантов. В безлесных местах около скамейки вкапывали несколько свежесрубленных деревьев и украшали их разноцветными лентами.

Ближе к полудню к этому месту собиралась молодежь. Приезжали также торговцы сладостями, мелкими товарами, игрушками. Весь день до позднего вечера на площадке играла музыка. Музыканты, собравшиеся со своей округи, играли по очереди. Одновременно выступали несколько скрипачей, пузыристов, гусяров, гармонистов, барабанщиков-ударников. Вокруг этого большого оркестра всегда толпились ребята, которые подыгрывали на деревянных свирелях, металлических и глиняных свистульках, металлических треугольниках. Девушки устраивались полукругом по обе стороны оркестра. Восточный сектор круга оставался открытым. В центре круга постоянно отплясывали парни, приглашая девушек по очереди на танец.

Другая часть молодежи немного в сторонке водила хороводы. Иногда представители каждой деревни устраивали свои круги, и деревня с деревней соревновалась в мастерстве пения и удалстве танцев. Проводились также спортивные соревнования и веселые шуточные состязания. Такие большие общеродовые сборы молодежи проводились только раз в году и непременно в материнской деревне. Позднее эти игрища стали приурочивать к престольным праздникам своей приходской церкви, а в ряде мест они слились с акатуем.

Низовые чуваша уяв начинали в день семика и праздновали до петрова дня. Взрослое население в это время соблюдало сӑнсе (обряд бережения земли) и

воздерживалось от каких бы то ни было работ. Молодежь сразу же после “проводов усопших” начинала водить хороводы. В троицын день парни и девушки собирались по улицам в группы и шли на центральную площадь села. Каждая улица шла со своими песнями. Собравшись на центральной площади, молодежь по давно установленному маршруту с песнями уходила в лес к востоку от деревни. В лесу девушки пели приуроченные к такому случаю песни, собирали цветы, плели венки. Парни в это время выбирали подходящее дерево. Когда дерево было выбрано, вокруг него девушки и парни водили хоровод. Девушки украшали это дерево цветами, венками и лентами. Затем дерево срубали, приносили в деревню и устанавливали на традиционное место проведения игрищ и хороводов.

По пути в деревню девушки гадали на венках. Около речки бросали венки в воду и смотрели, как они поплывут. Венки, якобы, указывали на ту сторону, куда девушке предстояло идти замуж. Если венок тонул, то это предвещало разлуку или даже смерть. Хороводы обычно проводили на окраине деревни. Для этого выбирали высокое место. На вершине холма устанавливали дерево и вокруг него водили хороводы.

В период уява хороводы водили каждый день с утра до позднего вечера. Вечерами под деревом жгли костры, и вокруг них кружились несколько кругов. Особенно торжественно проводили хороводы по пятницам и воскресеньям. Парни и девушки, взявшись за руки, ходили вокруг костра в такт музыке. После каждого куплета песни направление движения менялось. В фольклорных записях имеется несколько сотен хороводных и не меньшее число игровых песен. Каждой песне соответствовали свой рисунок движения, свои правила игры. Часто на эти хороводы приходила молодежь из соседних деревень — со своими песнями и играми. Таким образом, репертуар песен и игр постоянно пополнялся. Парни и девушки во время уява встречались друг с другом, здесь они находили суженых. Приходили на хороводы и взрослые, и пожилые, и дети. Старики рассказывали о хороводах их молодости, напоминали старые песни и игры, а молодежь быстро их подхватывала, и почти уже забытая песня вновь начинала жить.

Чувашские хороводы представляют собой прекрасное, завораживающее зрелище. Многие русские и иностранные путешественники оставили восторженные описания чувашских молодежных праздников. Вот что писал Н.Г.Гарин-Михайловский в очерках под названием “В сутолке провинциальной жизни”:

“Подойдя, девушки взялись за руки, составили большой круг и начали петь: это было такое оригинальное и пение и зрелище, какое я никогда не видал. То есть видел на сцене, в балете, в опере. Но это не был ни балет, ни опера, а жизнь.

Большой круг плавно и медленно двигался; девушки шли в пол-оборота, одна за спиной у другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо передвигали другую ногу.

На сцене это показалось бы, может быть, выдумкой — здесь же был естественен и непередаваемо красив этот хоровод молодых весталок...

Иногда громко поднималась песня среди аромата полей и улетала в небо, сливаясь там с песней жаворонка, нежная тихая песнь о промчавшемся...

Что оперы, что романсы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о пронсящих веках? Разве передадут они эту песнь народа, две тысячи лет сквозь всю ломку пронесшего с собой яркий образ прежней жизни? Разве можно выдумать такую песню?..

Когда образовался круг, двое, разорвав его, отвели каждая в свою сторону концы круга, и все сразу опустились на землю.

Они не то встали на колени, не то сели совсем.

И вся эта гирлянда белых и красных цветов, все эти молодые глаза так ласково, непринужденно и приветливо смотрели на меня. Унижения не было и следа — они только приветствовали меня, чужестранца.

Так две тысячи лет тому назад, может быть, слушал какой-нибудь путник, в честь которого пели девушки, — путник, который попал на их и свой праздник. Так мог стоять и мой предок. И, заколдованный песней, я видел теперь то, что скрыто от смертных...

Я пришел в себя и в ответ на их поклон снял свою шляпу и, от всей души, проникнутый и сам приветом, уважением и признательностью, поклонился им.

Я уехал, но долго еще перед моими глазами стоял нарядный луг с толпой языческих девушек, я все слышал их песнь, и напев ее в моей душе так нежно звучал, что, право, я не припомню, захватывало ли когда-либо что-нибудь так сильно, как эта промелькнувшая картинка из давно забытой эпохи человеческой жизни".

С наступлением петрова дня (питрав) молодежные праздники завершались. Начиналась горячая пора: сенокос, паровая пашня, уборка урожая. Тут уж было не до хороводов, хотя при каждом удобном случае молодежь собиралась вечерами и проводила время в увеселениях и играх.

В петров день вся деревня собиралась на последний прощальный хоровод. Поздно ночью провожали уяв, все выходили на западную окраину деревни и вокруг прощального костра водили последний в этом году хоровод. В полночь молодежь с песнями и музыкой уносила из деревни праздничное дерево на кладбище. С кладбища уже возвращались без песен. Были специальные песни, посвященные началу и завершению уява. Примером песни проводов уява является "Журавушка" ("Тәрна") в обработке Ф.П.Павлова. После торжественных проводов уява хороводные песни уже не исполнялись.

ЏИЊЏЕ

ЏиЊџе — традиционный дохристианский обрядовый цикл, приуроченный ко времени летнего солнцестояния. Этот земледельческий праздник соответствует русскому празднику, известному под названием “Земля-мати именинница” или “Духов день”.

В старину у чувашей за календарем следили пожилые, умудренные жизненным опытом люди. До появления отрывных календарей чувашаи пользовались самодельными деревянными солнечными календарями, которые довольно точно показывали месяцы, недели, дни, долготу дня и даже часы и минуты. Когда долгота дня доходила до 17 часов, почтенные старцы объявляли всей деревне, что с такого-то дня начинается џиЊџе. Он праздновался в течение 12 дней и совпадал со временем цветения ржи. ЏиЊџе особыми обрядовыми торжествами не сопровождался. Это скорее даже не праздник, а период отдыха и соблюдения покоя Матери-земли, которая в это время считалась обремененной спеющим урожаем.

В период џиЊџе строго запрещалось чем-либо беспокоить землю: нельзя было пахать, сеять, рыть, вывозить навоз, бросать на землю тяжелое, рубить лес, строить дома, лазить на деревья и строения. Для чувашских крестьян время џиЊџе было периодом полной бездеятельности. Считалось недопустимым мыться в бане, стирать белье, топить печи в дневное время, ступать на землю босыми ногами, или загрязнять землю каким-либо другим путем. Запрещалось также косить траву, рвать цветы, выпалывать сорняки. Чувашаи издревле носили белую холщовую, богато вышитую одежду. Только в конце 18 века, в связи с появлением химических красителей, в чувашский быт начала проникать разноцветная ткань — пестрядь. Старики тщательно оберегали традиции и во время праздников и семейных торжеств, не говоря уже о џиЊџе, запрещали носить одежду из крашенины и пестряди.

Нарушение кем-либо покоя “беременной” земли, по поверьям чувашей, влекло бедствия для всего сельского общества, и поэтому за исполнением запретов следили строго: отбирали подозрительные предметы, могущие послужить орудиями, нарушающими запрет. Если кто-то посмел в дневное время зажечь огонь в очаге, то заметив это, огонь немедленно заливали водой, на нарушителя налагали штраф, который шел в фонд общественного жертвоприношения чўк. Осмелившегося появиться на улице в одежде из пестряди или крашенины хватали, волокли к роднику и там обливали водой, выливая на него до 41 ведра, а могли и избить.

Нарушение запретов и ограничений якобы вызывало засуху или градобитие. Поэтому суеверные чувашаи в случае нарушения кем-нибудь из односельчан традиций непременно старались провести щедрые общественные

жертвоприношения и тем самым искупить свои прегрешения перед Матерью-землей.

В период соблюдения покоя земли в дневное время запрещалось свистеть или играть на музыкальных инструментах, так как считалось, что это может вызвать сильные ветры, бури и привести к осыпанию урожая. Но в вечернее время эти запреты снимались, и молодежь до утра водила хороводы.

А длинными летними днями на завалинках собирались соседи и занимались разным рукоделием. Девушки вышивали, но непременно на белом холсте. Старики вспоминали добрые старые времена, рассказывали детворе сказки, загадывали загадки...

Так размеренно проходили дни сѣнсе. Перед началом страды народ отдыхал, набирался сил к сенокосу и паровой пашне.

Чӱк

Чӱк — обряд жертвоприношения великому всевышнему Богу (сӱлти аслӑ Турӑ), его семейству и помощникам — духам-хранителям живой и неживой природы, человеческого общества. Само слово “чӱк” многозначно. В определенных случаях оно означает и жертвоприношение, и место совершения такого обряда, и некое божество высшего разряда, а также употребляется как ритуальный возглас, обращенный к Турӑ.

По древним чувашским мифопоэтическим и религиозным представлениям, вселенная как единое и нераздельное целое представляет собой единство природы, общества и личности. Она, якобы, была создана Богом с помощью своего брата-близнеца Киремет. Однако после сотворения вселенной Киремет попал под воздействие зла и был изгнан Турӑ из верхнего мира. Всевышний прилагает усилия к тому, чтобы содержать все три составные части Вселенной в постоянной взаимной гармонии, а дьявол с помощью прислуживающих ему злых сил всячески старается подбить человека на неблагоприятные дела, нарушающие в конечном итоге вселенскую гармонию. Тогда Турӑ посылает кого-нибудь из своих прислужников, чтобы наказать человека и наставить на путь истинный. Все обряды и ритуалы древнечувашского быта направлены на поддержание постоянного мирового порядка или на восстановление нарушенной гармонии. Личность была в ответе перед обществом, общество — перед природой и Турӑ.

Механизм поддержания вселенской гармонии осуществлялся путем жертвоприношений. Личность, под подстрекательством дьявола нарушившая общественный порядок, должна была жертвоприношением искупить свою вину перед Турӑ, иначе ее неблагоприятные дела могли привести к гибели общества, что, в свою очередь, вызвало бы разрушение вселенной. Нарушение вселенской гармонии всегда осуществляется снизу вверх, со стороны личности, а

восстановление порядка — сверху вниз, со стороны Турӑ. В тех случаях, когда провинилась личность, совершались частные жертвоприношения.

Кроме них у чувашей были и большие чӱк — календарно приуроченные общественные жертвоприношения, совершавшиеся всем обществом. Язычники ежегодно в период созревания хлебов совершали маӑ чӱк, или асла чӱк — большое жертвоприношение; кеӑён чӱк — малое жертвоприношение, которое также называлось уй чӱкӑ — полевое жертвоприношение, и сумаӑр чӱкӑ — жертвоприношение для испрашивания дождя.

Эти большие жертвоприношения совершались от имени всех сельчан и были направлены на обеспечение общественного благополучия, на поддержание общественной и вселенской гармонии. В связи с усилением христианского просвещения разорительные для народа большие жертвоприношения приходили в забвение, их стали проводить реже, и три вида чӱк во многих местах слились в один.

В период действия обычая общественных жертвоприношений они проводились регулярно, причем на большой чӱк собирались в материнскую деревню хотя бы раз в несколько лет жители всех дочерних деревень. День для проведения асла чӱк назначали на сельском сходе старейшины общины. Там также производилась раскладка расходов на покупку жертвенных животных по дворам. Жертвенных животных могли выделить богатые семьи, но большей частью их покупали на общественные деньги, причем ни в коем случае не торговались. В жертву приносили жеребенка, бычка, барана, несколько гусей или уток. Масть и пол животных чередовались: один год в жертву приносили животных белой, а другой — черной масти. Место для жертвоприношений было традиционным, обычно для этого выбирали поляну в лесу, на краю оврага с родниковой водой.

В назначенный день наиболее почитаемые и знающие обряд старики и с ними еще несколько десятков человек отправляются на жертвенное место. Они берут с собой все необходимое, начиная жертвенными животными и кончая дровами и посудой. На месте жертвоприношения старейшины устанавливают козлы и навешивают большие бронзовые котлы, наливают в них воду, подкладывают дрова. Один из наиболее сведущих стариков выделяется в качестве жреца. Он с соблюдением всех необходимых обрядов первым приносит воду из родника, первым наливает во все котлы немного воды из своего котла, а остальные доливают. К этому времени к жертвенному месту собираются все домохозяева деревни.

Жрец жестом руки призывает всех к молитве и первым падает на колени, все остальные следуют его примеру, и начинается молитва. В молитве перечисляются все прегрешения, которые могли они совершить перед вселенной и всевышним богом Турӑ, все беззакония и постигшие за них наказания в виде болезней, засухи, градобития и т.п. Затем испрашивается прощение грехов и отвращение от них гнева Турӑ, перечисляется, кому из сонма богов какая жертва

приносится. В заключение молитвы испрашивается благополучие всему обществу, всем жителям деревни от стара до мала, богатый урожай, приплод скота, удача в пчеловодстве, охоте, торговле, в мирских делах и т. д.

После завершения молитвы начинается ритуальное обливание жертвенных животных. Жрец начинает лить воду на голову животного и при этом произносит молитвенные слова, которые обычно завершаются выражением “Сырлах, Турă!” — “Помилуй, Боже!” Если при этом животное отряхнется, это считается добрым знаком: жертва угодна богам. Такое животное после произнесения соответствующей молитвы тут же закалывают. Ритуал обливания проводится с каждым животным по отдельности, начиная с жеребенка, в убывающем порядке. После заклания животных свежую, мясо и внутренности раскладывают по отдельности в разные котлы.

Завершив свежевание животных, руководящий обрядом жертвоприношения старец снова приступает к молитве, все присутствующие молятся вслед за ним. После завершения молитвенных речей он высекает из кремня огонь, подносит горящий трут под первый котел и зажигает жертвенный огонь. Помощники разносят огонь под другие котлы. Сварившееся мясо вынимают и кладут на большие деревянные блюда (чара), а на мясном бульоне начинают готовить жертвенную кашу.

Раздав всем мяса и каши, старейшина снова встает на колени и начинает молиться, а остальные повторяют за ним. (Таким образом молятся до трех раз. Сначала — перед живыми животными — молятся за вселенную, во второй раз — перед целыми тушами животных — за общество и, наконец, перед розданной жертвенной пищей — за личности, то есть людей). Жертвенная пища во всех случаях бывает двух родов - животного и растительного происхождения. Это значит, что моление совершается как за растительный мир, так и за животный. Как правило, в жертву приносится три вида животных и водоплавающая птица (гусь, утка), что также имеет свой смысл. Лошадь предназначается всевышнему богу Турă, обитающему в верхнем мире, бык жертвуется посредникам между Богом и людьми, баран является жертвой в честь духов-хранителей природных объектов, а водоплавающая птица — в честь духов подземного, водного мира. Эта иерархия богов и духов и соответствующая субординация жертвенных животных довольно четко проявляется в порядке жертвоприношения и молитвенных текстах.

После завершения третьей молитвы выполняющий функции жреца старец берет голову лошади и бросает в огонь первого костра, его помощники сжигают по очереди головы других животных. Шкуры жертвенных животных, снятые вместе с конечностями, растягивают на длинном шесте и прислоняют к дереву.

Вкушать жертвенную пищу опять-таки начинает руководитель обряда, его примеру следуют другие старцы и пожилые люди, и только под самый конец —

молодые люди, мальчики. Вообще, у чувашей младший по возрасту или положению никогда не прикасался к пище раньше старших. После трапезы остатки жертвенной пищи обычно разносили по домам, но наиболее древние источники свидетельствуют, что ее сжигали — это символизировало передачу ее через огонь божествам.

Уй чүкё — полевое моление — жертвоприношение в поле с целью испрашивания у духов земли урожая — совершалось, как правило, через неделю после асла чүк в специально отведенном для этого месте. Место выбиралось среди полей в какой-нибудь ложине, поросшей лесом. Обрядовая сторона проведения уй чуке мало чем отличается от асла чүк. Для жертвоприношения духам земли обычно отбирались животные менее ценные, довольствовались одним бычком или бараном. Молитвы были упрощенными и менее торжественными. В позднем варианте малый чүк проводился каждым домовладельцем отдельно на своем загоне или даже дома.

Сумәр чүкё — жертвоприношение духам природных стихий: тепла, засухи, ветра, дождя, града и т.п. — с просьбой дать благоприятную для урожая погоду. В более позднее время этот обряд в основном совершали молодые люди и дети. Его также проводили ровно через неделю после уй чүкё, но непременно у реки. Перед началом сумәр чүкё ребята собирают по дворам понемножку крупы, масла, молока, яиц и отправляются к реке или пруду. Туда же приносят несколько жертвенных бронзовых котлов, разводят огонь и варят ритуальную кашу и молочную похлебку с яйцами. Скорлупу от яиц надевают на прутьики и втыкают вдоль реки. К этим прутьям привязывают живых воробьев, поэтому иногда обряд называют сєрси чүкё, что значит “воробьиное жертвоприношение”.

Когда каша поспевает, к молодежи присоединяются несколько пожилых людей, они пекут ритуальные лепешки, юсманы и совершают молитвы. После этого начинается ритуальная трапеза. К этому времени у воды собирается с ведрами молодежь всей деревни. После трапезы все — как ребята, так и девушки — прямо в одежде бросаются в реку. Некоторых заталкивают в воду силком или бросают с берега. Из воды все выходят мокрые до нитки. Каждый набирает в ведро воды и отправляется по селу, обливая всех встречных. Взаимное обливание водой продолжается до вечера. Никто не вправе противиться обливанию, так как считается, что это может привести к засухе. Множество ребят с ведрами, полными воды, бегают в этот день по улицам, иногда даже забегают в дома и обливают спрятавшихся хозяев. Обычно чук приходился на самый засушливый период лета, считалась, что массовое обливание водой может способствовать скорому появлению дождей.

Обряды жертвоприношения были весьма обременительны для народа, и в связи с ухудшением экономических условий, они постепенно упрощались, теряли многие первоначальные черты. Искоренению жертвоприношений немало

способствовала и борьба церкви с язычеством. В результате всего этого многие чрезвычайно интересные в культурно-историческом отношении компоненты чук были утрачены уже к началу прошлого века. В последние годы в печати начали появляться интересные факты о совершении некоторых фрагментов чук в разных частях чувашской территории.

КИРЕМЕТ КАРТИ

Киремет карти — “киреметище”, место совершения общественных жертвоприношений и молений. Как и многие термины древнечувашской религиозной и мифологической сферы, слово “киремет” имеет несколько значений. Это и божество, брат всевышнего бога Туря, и глава злых сил, и место жертвоприношения и т.д. Различные значения слова киремет показывают динамику развития представлений об этом божестве языческого пантеона.

Первоначально Киремет считался родным братом-близнецом всевышнего бога - сүлти Туря. В представлениях о Туря и Киремети — отразились древние воззрения о двуедином начале творца Вселенной: доброе начало олицетворялось в образе Туря, а злое — в образе Киремет. Оба близнеца участвовали в акте сотворения вселенной. Первоначально Киремет активно помогал Тура в упорядочении хаоса, в добывании суши из-под мирового океана, сотворении земной тверди, в наполнении ее природными объектами, в сотворении растений и животных. Но в ходе созидания вселенной действия Киремет оказывались все более неудачными и портили первоначальный замысел Туря, за что Бог предопределил ему второстепенное, подчиненное положение.

Первоначально Туря и Киремет обитали в верхнем мире, и Киремет служил посредником между Богом и людьми. По поручению Туря он разъезжал по земле на тройке прекрасных лошадей и творил суд над нарушителями установленного порядка. Такое подчиненное положение со временем перестало его устраивать, и Киремет выходит из подчинения Туря, начинает совращать людей, и за ослушание Туря изгоняет его из верхнего мира на землю. На земле Киремет начал притеснять чувашей, отбирал у них жен и девушек, а на тех, кто противился, насылал болезни и несчастья. Чуваша пожаловались богу, и Туря решил изгнать Киремет в преисподнюю. Но за него заступилась одна женщина, и Туря разрешил Киремет жить в оврагах и лесах. Киремет наплодил много детей, и они также расселились по оврагам и лесам и стали вредить людям. Тогда чуваша взяли и сожгли главного Киремет, а пепел развеяли по ветру, чтобы навсегда освободиться от него. Однако на тех местах, куда упал пепел, выросли деревья, и они стали новыми Киремет.

Таковы народные представления о падшем брате Туря — Киремет. А теперь посмотрим, что из себя представляли киреметища (киремет карти) — места жертвоприношений.

По описанию П.С.Палласа (середина XVIII века), киремет карти чуваша устраивали в отдаленном от деревни месте среди леса, около ключа или речки. Киремет карти представляет собой четырехугольный участок, обнесенный оградой в рост человека. Имеет три входа или калитки, устроенные в середине восточной, северной и западной части ограды, причем северная калитка всегда бывает обращена к речке или ключу. В северную калитку носят требующуюся для жертвоприношения воду, в восточную загоняются жертвенные животные, а в западные ворота входят сами люди. Возле западной калитки на высоких столбах устраивается перекрытие, под которым горят костры и варится жертвенная пища, а перед ним на большом столе расставляются принесенные для жертвоприношения лепешки, юсманы и другие съестные припасы. Около северной калитки устраивается другой большой стол для освеживания заколотых животных. В северном углу устанавливают несколько столбов, на которые вешают снятые шкуры.

В некоторых местах в середине киремет карти возводилось деревянное строение с дверью на восток, в которой ели жертвенную пищу на ногах. Для этого там устанавливали длинные, накрытые скатертями столы. В середине строения врыт в землю длинный шест, проходящий сквозь кровлю. На этом столбе “утверждено снизу плоское, аверху острое железное кольцо”.

При многоядных деревнях бывают большие киреметища для публичного жертвоприношения, кроме того, каждая семья или род имеет свою малую киремет карти. Аналогичное описание, правда, без подробностей, можно найти у Г.Ф. Миллера, современника П.С.Палласа.

Автор конца XVIII века К.Милькович приводит не менее интересные сведения. По его данным, киремет карти имеют длину от запада к востоку до 40—60 сажен (85—130 м); а в ширину с севера на юг от 30 до 40—50 сажен (65—100 м) с входом с западной стороны. В правой стороне от входа, отступая сажень (2,13 м) от забора, устроено некое здание, имеющее только три стены: с западной, южной и северной сторон. Восточная сторона остается открытой. Внутри этого здания устроен стол, где обычно разделявают жертвенных животных. Перед этим зданием бывает жертвенник, подобный столу. Он имеет длину около 3 м и ширину около 1 м и ориентирован длинной стороной к востоку, а концами к северу и югу. За этим столом к востоку находятся священные деревья, а за оградой начинается священный лес. На этот жертвенник расставляют приготовленную жертвенную пищу. На священные деревья вешают снятые с принесенных в жертву лошадей шкуры, оставляя при них гривы, хвосты и ноги. Шкуры тщательно расправляют и устанавливают, обращая головами к востоку. Под священным деревом бывает ящик, куда собираются жертвенные взносы в течение всего года. Чуваша приносят деньги по случаю рождения ребенка, женитьбы сына, выдачи дочери замуж и т.п. По обе стороны от жертвенника сделаны из шестов, уложенных на столбы, отводины. Чуваша считают, что во

время жертвоприношения на жертвеннике присутствует тот самый Бог, в честь которого приносится жертва, а на отводинах размещается его семейство. Далее по обе стороны жертвенника бывают разные “требища”, на которых снимаются шкуры животных, вынимаются внутренности и свежуются мясо.

Заграждения и строения киремет карти, а также утварь и другие необходимые предметы никогда не чинятся. Когда утварь и строения приходят в полную ветхость, тогда жрец (мăчавăр), надзирающий за киреметищем, собирает все старое, сжигает и на их месте строит новые.

Устройство киремет карти воспроизводит мифопоэтическую модель мира. Согласно чувашским представлениям, вселенная есть ориентированное по четырем сторонам света четырехугольное пространство. В центре его находится Мировая гора (Ама ту). На ее вершине располагается Молочное озеро (Сёт кӳлӗ), от которого начинаются все реки. Посредине Молочного озера на самой середине круглого острова произрастает Мировое дерево. Корни этого дерева простираются в нижнем мире, а ветви уходят в верхний мир. Мироздание делится на три яруса: верхний, средний и нижний. Верхний и нижний миры представляются зеркальными отражениями среднего, поднебесного, мира. Каждому миру соответствуют свои животные. Верхний ярус олицетворяют птицы и крылатые священные кони, средний ярус — парнокопытные и травоядные животные, а нижний — пресмыкающиеся. Человек обитает в самом центре вселенной, у подножья Мировой горы, на обработанной, окультуренной территории. За пределами этой территории начинаются непроходимые леса и высокие горы, населенные хищными животными.

Киремет карти представляет собой реальную модель этой мифологической картины мироздания. Четыре звена ограды киреметища, строго ориентированные по сторонам света, символизируют четыре стороны вселенной. Как правило, киремет карти устраивается на краю оврага или ручья, на высоких местах, символизирующих Мировую гору. Рядом с Киреметищем находится источник воды — напоминание о Молочном озере. А само высокое, развесистое старое дерево, могучий дуб, вяз или липа — не что иное, как воплощение Мирового дерева. Верили, что рядом со стволом Мирового дерева пасутся священные животные — золоторогие олени, крылатые кони, коровы с серебряным мехом и т.п. Со временем они стареют, и их заменяют молодые потомки.

Обряд большого жертвоприношения аслă чӳк имитирует ежегодное обновление природы. В течение года животные, поддерживающие мироздание, стареют, им становится трудно выполнять свою миссию. Их следует ежегодно заменять молодыми животными.

Когда наступала засушливая пора, чувашские старцы приговаривали: “Видать, у Турă лошади постарели, видать, не на чем ему воду возить, вот и нет дождя. Надо бы дать ему жеребенка”. Тогда народ начинал готовиться к

жертвоприношению. На общественные деньги покупали жеребят, бычков, барашков. В день жертвоприношения вплетали в гривы или привязывали к их шеям разноцветные ленты и отпускали на свободу до следующего года. Они могли пастись где угодно и нельзя было их выгонять, если даже они забредут в огороды. На жертвоприношение приводили отпущенных еще в прошлом году окрепших животных. Это означало, что старые животные умирали и на их место приходили молодые. Это, якобы, способствовало прочности мировой гармонии.

Аналогичные представления о строении вселенной и похожие обряды жертвоприношения духам природы сохранились с древнейших времен у саяно-алтайских тюрков. Им не менее трех тысяч лет. В течение тысячелетий многое изменилось. И саяноалтайские тюрки (алтайцы, хакасы, тувинцы), и предки чувашей, попадая под сильное влияние чужих культур, неоднократно меняли названия божеств и духов, хотя сохранили в пантеоне и много древнего. Однако обряды оставались почти неизменными. По меткому замечанию С. А. Токарева, “обряд всегда составляет самую устойчивую часть религии, связанные же с ним мифологические представления — очень изменчивы, нестойки, нередко вовсе забываются, на смену им сочиняются новые, долженствующие объяснить все тот же обряд, первоначальный смысл которого давно утрачен”.

Изначально киремет карты представлял собой изображение “пупа Земли” или модель центра вселенной — самой священной точки мира, места первотворения. Здесь разыгрывались в образах сцены творения мира и рассказывались космогонические мифы, здесь обращались к всевышнему богу Турă, этому воплощению добра и к его антиподу — воплощению зла. Постепенно к культу “пупа Земли” присоединялись другие культы и обряды: раннеплеменной культ инициации, промысловый культ, культ предков. Наконец, к главному культу примкнул культ мусульманских святых. В связи с этим первоначальное название центрального культа было заменено словом киремет, заимствованным из арабского языка через персидское и кыпчакско-тюркское посредство. Произошло это где-то в XIII—XIV веках. В арабском слово карамат означает “чудо”, в религиозном смысле под этим словом скрывается несколько специализированное понятие “чудо, совершаемое на могиле мусульманского святого”, обычно это чудесное исцеление. В жизни таких неожиданностей достаточно много: иногда под старым названием скрывается старое понятие, иногда старые представления приобретают новые обозначения.

УТЌСИ

УтЌси — сенокосная пора, она имела важное хозяйственно-экономическое значение. Животноводство, хотя и занимало в чувашском быту второе после земледелия место, но едва ли уступало ему по своей значимости. Далекие предки

чувашей были кочевниками и заготовкой кормов впрям не занимались. Они просто перегоняли свои огромные по нашим меркам стада с южных широт на северные и обратно. Известно, что в южных степях снега бывает мало. Поэтому кочевники рано весной старались с южных степей откочевать на север и оставлять тем самым траву для зимнего содержания скота. На севере содержать зимой скот на подножном корме было невозможно из-за глубокого снега. Поэтому северные степи кочевники использовали в качестве летних пастбищ. В горных районах, например, в Кыргызстане, пастухи до сих пор перегоняют свои стада на летовки высоко в горы.

Булгарские предки чувашей в IV—VIII веках нашей эры проживали в Южнорусских степях между Каспийским и Азовским морями. В этот период их летние пастбища находились в Волго-Камье. После нашествия хазар южные степи были оставлены, и булгары обосновались в Среднем Поволжье. В первое время после переселения в Волго-Камье булгаро-чуваши уходили со своими стадами на север, в верховья Камы и Вятки. Но эти сезонные перекочевки были малоэффективными. В Среднем Поволжье зимой снега было довольно много, и стада не всегда могли перезимовать на подножном корме, приходилось заготавливать сено.

Земледельческие традиции известны всем кочевникам с глубокой древности. Остающаяся на лето в южных степях часть населения летом занималась земледельческой работой. Булгары начали оседать уже в Южнорусских степях. В частности, здесь же они познакомились с косой, о чем говорит заимствованное из древнеосетинского (аланского) языка название этого сенокосного орудия. После переселения в Волго-Камье булгары постепенно полностью осели и земледелие в хозяйственной деятельности подчинило себе скотоводство. Заготовка сена для зимнего содержания скота стала играть важную роль в жизни булгаро-чувашей.

В традиционных обрядах и обычаях чувашей, связанных с сенокосной порой, сохранились многие древние особенности. Первый выход на сенокос напоминал большой всенародный праздник. К этому дню готовились заранее. Перед началом сенокоса чуваша-язычники проводили утӑ чӳк — жертвоприношение перед сенокосом. Около каждой деревни было специально отведенное для этого обряда место. Всем обществом покупали быка, сельчане по очереди с каждого хозяйства жертвовали барана, собирали также крупу, масло, некоторые пригоняли домашнюю птицу. Жертвоприношение проводили в обычном порядке, руководил обрядом почтенный старик. После проведения утӑ чӳк, если погода позволяла, выходили на сенокос.

У приволжских чувашей были обширные луга на левом берегу Волги. В других местах сенокосы находились в поймах больших и малых рек. Сенокосные угодья принадлежали всей общине, их никогда не делили по хозяйствам или

едокам. Поэтому на сенокос выходили всей деревней, сообща и косили общиной. Выезжали на лошадях, на заволжские луга переправлялись на больших плотках. Косили парни и девушки, взрослые мужчины и женщины. Старики ворошили сено, варили обед для всех косарей. Всем на сенокосе находилась работа по силам. В обеденный перерыв или вечером рыбачили, собирали ягоды.

На сенокос выходили, как на праздник, в лучших нарядах. Это действительно было праздничное, веселое время. В перерывах между работой молодежь устраивала хороводы и игры. Обычно в круг собиралась молодежь нескольких селений, косившая поблизости. Вечерами хороводы и танцы продолжались допоздна. На заволжских лугах марийцы и чувашаи имели чересполосные сенокосы. Чувашские и марийские парни и девушки водили общие хороводы, вместе пели чувашские и марийские песни, перенимали друг у друга добрые традиции, заводили друзей и подруг, учились языкам. Не случайно в чувашском и марийском языках, восходящих к совершенно самостоятельным семьям — тюркской и финноугорской — столь много общего.

Скошенное и высушенное сено складывали в большие копны по числу жителей деревни и бросали жребий. Каждому доставалась своя доля, таким образом общинное сено распределяли без обид и без обмана. Методов жеребьевок было много. Чаще всего вырезали по количеству жителей палочки одинаковой длины и помечали их родовыми тамгами. Палочки эти собирали в мешок, перемешивали и, подойдя к какой-нибудь копне, вслепую вытаскивали из мешочка жребий. По тамге узнавали, кому досталась та или другая куча сена.

В урожайные годы оставляли лишние копны сена. Их разыгрывали и дарили победителям в спортивных соревнованиях, лучшим отгадчикам каверзных загадок, а также хорошим сказителям сказок. Сказочники состязались в острологии — кто кого перешеголяет, тот выигрывает копну сена.

Распределенное сено тут же складывали в большие стога (капан). Обычно сено оставляли на лугах до зимы. Для приволжских чувашей это было обычным правилом. Сено перевозили только после ледостава на Волге по санному пути. К завершению сенокоса поспевали хлеба и наступала жатва. Тут уж было не до сена. Да и возить его по санному пути гораздо легче. В земледельческом календаре существует строгий порядок и гармония: все здесь взвешено, все обдуманно.

НИМЕ

Ниме — коллективная помощь, устраиваемая односельчанами при выполнении трудоемких и хлопотных работ. Традиция ниме имеет очень глубокие исторические корни и восходит к пратюркской эпохе. Чувашаи в течение нескольких тысячелетий сохранили обычай ниме и донесли его до нас. Ниме спасал и сохранял чувашей.

В жизни селянина много таких моментов, когда требуются коллективные усилия для своевременного выполнения тех или иных хозяйственных работ. Нужно было вывозить лес, строить дом, вовремя сжать уже осыпавшийся урожай — везде на помощь приходил обычай ниме.

Ниме не имеет определенных сроков проведения, однако чаще всего к коллективной помощи прибегали при уборке перестоявшего урожая. В случаях, когда грозило осыпание хлебов, хозяин приглашал к себе одного из уважаемых людей и назначал его ниме пусе́ — главой помочи.

На другой день с утра пораньше ниме пусе́ выезжал на запряженной лошади и объезжал всю деревню посолонь, приглашая всех сельчан пойти на помочи к нуждающемуся односельчанину. Глава ниме обвязывался через плечо полотенцем, на телегу устанавливал длинный шест с красным концом сурбана — ниме ялавё, т.е. “флажок помочи”. Около каждого двора он приостанавливал лошадь и восклицал “Кук! Нимене тух!” Объезжая деревню с приглашением, ниме пусе́ громкой песней призывал односельчан.

Услышавший клич глашатая чуваш тут же собирался и выезжал вслед за ним со своим возом. Безлошадные садились на телеги соседей. Хозяин поля выезжал с бочонком пива и съестными припасами. Глава ниме по всей дороге до самого загона зазывал людей на добровольную помощь. Начиная загон, хозяин поля произносил молитву, и все начинали жать. Хозяйка готовила на краю загона пищу. Глава ниме время от времени подбадривал жнецов возгласами “ку-ук! Ниме ху-у-ух!” По этому крику, а также развевающемуся на краю загона флажку опаздывающие узнавали, на каком загоне работает ниме. Хозяин поля или глава ниме время от времени угощали жнецов пивом, его разносили каждому по очереди. На обед также приглашал глава ниме возгласом: “Эй, ниме халӑх, апата кук!” После обеда больше не произносятся зазывных слов. Жнут до позднего вечера. Вечером дома у хозяина поля готовят ужин и всех участников приглашают на коллективную трапезу. Глава ниме поднимается на крышу амбара или дома и зазывает всех сельчан на ужин.

Обычно ниме проводится в течение дня. За долгий летний день участники успевают справиться с целым загонем. Вечером в доме хозяина собираются все участники ниме. Хозяева дома в благодарность за работу угощали всех односельчан. Тяжелая работа завершалась праздничным застольем. Снова звучали наполненные глубокого философского смысла застольные песни — песни благодарности природе, обществу, селянам, родным и соседям. Перед уходом гости усаживали хозяев во главу стола, подносили им по ковшу пива и затягивали благодарственную песню, низко кланялись хозяевам и расходились по домам с традиционным “тавсси!” — “спасибо за угощение!” В настоящее время ниме проводят, как правило, в связи с крупным строительством.

ВЫРМА

Вырма — это жатва, уборочная страда. Хлеба убирали вручную — жали серпами. Это был изнурительный и трудный, вместе с тем весьма ответственный период в годичном трудовом цикле крестьянина. Хлеб — венец всех трудов земледельца — на жатве уже ощущается реально, весомо, а не в мечтах только. Даже небольшая горсть срезанных серпом ржаных стеблей — это добрая ломоть хлеба. А сколько таких ломтей в снопу, в копне! Одним из множества трудовых ритуалов было сурла хывни — “зажинок”. Самая проворная женщина в семье развязывала серп, увязанный еще в прошлом году последней сжатой в поле горстью стеблей ржи, и срезала первую горсть. Перемешивала старые стебли с новыми, разбрасывала их перед собой на ниву и произносила благодарственную молитву духам земли.

В такой момент всех охватывает приподнятое, праздничное настроение. Так и веет торжественностью, благоговейностью. Надо оказать, что чуваша вообще к любой земледельческой работе относились, как к святому делу.

Рожь, сжатая серпом, не теряла в поле ни одного колоска, ни одного зернышка. Ни мышам, ни птицам на загоне делать было нечего. Девять снопов колосьями вверх прислонялись друг к другу, образуя подобие шалашика. Сверху, как шапку, надевали десятый сноп. Русские называют это суслоном, а чуваша “дамской прической” (майра пуçё). В урожайный год с одного суслона намолачивали до пуда, а то и более зерна. И кормила эта “дамская прическа” семью средней величины три-четыре недели. Сжатая рожь несколько дней дозревала в суслонах, а затем ее перекладывали в небольшие копна (сёмел) и уже после завершения жатвы свозили на гумно, к овинам.

Жали с самого раннего утра до сумерек. Жали и взрослые, и дети с девяти-десяти лет. Совсем маленьких детей вывозили в поле на детских колясках, за ними присматривали ребята постарше. Красивое это было зрелище — жнитво: девушки и женщины в расшитых красным белых рубахах, в полном праздничном серебряном убранстве. Хрустящий звук перерезаемых серпом стеблей сливался с серебряным звоном монет, трелями жаворонков. Не зря чуваша говорили, что в страду и домовый не усидит дома, непременно выходит в поле.

Перед окончанием жатвы на последнем загоне из сжатого хлеба связывают особенно большой сноп. Высокий — в человеческий рост — толстущий сноп олицетворял изобилие. Дожиная загон, в конце его на правом углу оставляли горсть несжатого хлеба, собирали верхушку в пучок и закручивали. Это называлось “завивать бороду полевому духу”. Полевой дух представлялся чувашам в виде белобородого старика в большой шляпе. Он якобы ходит по межам и охраняет поля от насекомых, грызунов, птиц, градобития и сильных ветров.

Затем брали ковш воды и обливали пучок. После этого каждый из жнецов брал последний связанный им сноп и все рассаживались на них перед недожатым пучком, непременно лицом к солнцу. Серпы свои клали рядом на недожатый пучок.

В это время хозяин приносил непочатый каравай хлеба и круг сыра, расстилал белый войлок и раздавал еду жнецам. Перед трапезой все приговаривали молитву. Затем одна из жниц собирала все серпы вместе и перебрасывала их через голову. Если серпы упали кучей, это значило, что до следующей жатвы все будут живы и здоровы, а если чей-нибудь серп падал подальше от других — примета плохая, к смерти хозяина. Тут одна из сидящих на снопах женщина встает и спрашивает: “Кому тяжесть поля носить?” Все дружно вскакивают. Верили: кто замешкается — тому и нести весь год тяжесть полевых работ.

Хозяйка загона забирает все серпы, выдергивает недосжатый пучок и им связывает серпы вместе. До следующего года серпы лежат в амбаре, связанные этим пучком соломы. Обряд этот так и называется — связывание серпов (сурла сыхни).

Наконец складывают последние снопы в копна, берут с собой самый большой сноп и с песнями возвращаются домой. Когда подвода въезжает во двор, одна из женщин вбегает в избу и выводит оттуда старуху-повариху. Ее валят во дворе на землю и укладывают на нее тот самый большой сноп. Повариха берет этот сноп и заносит в амбар. Там он будет стоять в сусеке до следующего урожая. Затем повариха приглашает всех в дом, и начинается пирушка по случаю успешного завершения жатвы.

Со следующего дня начинали развозить копна по овинам и токам. Ладно сложить снопы на повозку — это целое искусство. Отнюдь не каждый мог справиться с этим на первый взгляд бесхитростным делом. Укладчику надо хорошо знать, как стоять на возу. Сухие снопы так и норовят соскользнуть вниз. А стоит выскользнуть паре-другой снопов, как расплзается весь увязанный воз.

Вначале набивали снопами кузов телеги до самых краев, укладывая их вдоль, потом клали их рядами поперек с двух сторон телеги, внутрь колосьями, и посередке для связки, чтобы укладка не провалилась. Весь воз стягивали длинной жердью — слегой. Эти операции, требовали большого умения и сноровки, ибо неумело сложенный воз рассыпался на неровной дороге. Это считалось позором для возчика.

Снопы на току складывали в большие клады (капан) на подставках. Это делалось, чтобы спасти хлеб от мышей. Назывались эти подставки айтар или атюр (из русского одер). Если старой семенной ржи на посев озими не было, обмолачивали рожь на семена сразу и сеяли новым зерном. Сеять озимые надо было обязательно в августе, в трехдневный срок, когда шел вылет крылатых муравьев.

Аван — слово многозначное. Это “гумно, овин, ток”, “молотьба”, “праздник”. Этот праздник ввиду большой значимости молотьбы хлеба сопровождался многими обязательными ритуалами. Он был особо приятен, торжественен для крестьян. Молотьба такая же волнующая пора, как и жатва. Овин для сушки снопов, ток и молотьба на нем замыкали, связывали воедино годовой цикл полевых работ. С тока зерну одна короткая дорога — в амбар и на мельницу. Но торжественность, истинная святость сопровождали хлебороба даже на этом коротком пути. В любой мелочи, даже в форме мешочных завязок и скрипе телег усматривался некий магический смысл.

После жатвы старики по ночам сушили снопы, развлекали молодежь сказками да прибаутками, забавлялись и сами — ходили пугать друг друга. Разбирали большие клады (капан) и сносили снопы на овин (аван). Их приставляли к конусообразному остову овина — шишу колосьями вверх и притягивали веревкой, чтобы снопы не упали. В овинной яме под шишом старики, разводя огонь, произносили молитву, обращенную к духам огня.

Досушенные на овине снопы снимали и раскладывали для молотьбы. В северных районах Чувашии молотили цепами, а в южных шишковали - молотили древним способом, гоня лошадей или другую скотину по разложенным на току снопам вокруг центрального столба. Каждый эпизод крестьянской работы освящался молитвой, обставлялся торжественным ритуалом и обрядами. Так, начинать молотьбу следовало непременно с восточного конца настилки, шишковать следовало только по ходу солнца — посолонь, но никак не наоборот. Перед началом молотьбы совершали ритуальную трапезу. В урожайные годы состоятельные люди для молотьбы хлебов созывали помочь (нине).

Зерно первого обмолота собирали в кучу, и до совершения обряда “испрашивание спорыньи” никто не осмеливался прикоснуться к нему. Хозяин дома надевал верхнюю одежду, опоясывался кушаком, брал левой рукой шапку под мышку и трижды обходил кучу посолонь. При этом он держал в руках весь набор необходимых для молотьбы орудий — грабли, вилы, метлу, лопату, цеп и пригребал ими зерно с края кучи к центру, приговаривая: “Перекетне пар!” (Дай спорыньи!)

Особенно торжественно отмечалось завершение молотьбы. Для этого сохраняли необмолоченным первый сноп, снятый с клады. Чуваши некоторых местностей приносили из амбара большой дожиночный сноп. Этот сноп водружали на вершину центрального столба, установленного на току. Его оставляли в дар духам — хранителям гумна (анкарти) за сохранение урожая. Около столба резали петуха в жертву хранителю овина. При этом творили соответствующую молитву. По случаю завершения молотьбы на бульоне из

жертвенного петуха варили кашу, созывали всех родных и близких и устраивали ритуальное пиршество.

Над этой жертвенной кашей совершали молитву, а затем хозяин дома брал непечатый каравай хлеба, круг сыра, деревянное ведро с пивом, сваренную кашу и шел на гумно, где около гуменного столба совершал благодарственную молитву, приносил духу жертву. Для этого разводил около столба огонь с молитвенными словами бросали в него кусочки хлеба, сыра, ложечку каши, отливал немного пива. Затем возвращался домой, там каждому давали по кусочку хлеба и сыра. Держа их в руках, творили заключительную молитву. После этого начиналась совместная трапеза.

Каждый вид работы, связанный с землей, зерном и хлебом, начиная со вспашки и кончая размолом зерна и выпечкой хлеба, носил почти ритуальный, священный характер. И благородство, и кощунство человеческое яснее всего выявлялись на земле около зерна, перед хлебом. Без хлеба тотчас же тускнеет и вся трудовая и бытовая чувашская крестьянская эстетика.

ЧҪКЛЕМЕ

ЧҪклемe — обряд освящения нового урожая жертвоприношением духам природы, умершим предкам, сопровождавшийся угощением всех сородичей.

Глубокой осенью, после завершения молотбы чувашские крестьяне тщательно сортировали и распределяли зерно: самое лучшее — на семена, что похуже, — на корм скоту, а остальное — на муку. Партию, предназначенную на муку, сушили в овинах или печах и везли на мельницу. Старшая в доме женщина затевала солод: проращивала зерна, несколько раз обрызгивая со свежего веника, солодила, ворошила его. Затем солод свозили для просушки в общественную солодовню. На солодовне собирались старики, подростки, дети. Тут рассказывали разные истории, предания, сказки. Ночлег на солодовом овине запоминался детям на всю жизнь. Готовый солод вместе с зерном везли на мельницу. Мельница, как и солодовня, была в чувашском быту своеобразным клубом, местом общения, средоточием новостей, споров, легенд. Мельница завершала долгий и подчас очень рискованный путь хлебного зерна.

С мельницы крестьянин возвращался с чувством огромного удовлетворения, преисполненный гордости за итоги своего нелегкого круглогодичного труда. Теперь уже можно было радоваться плодам своего труда. Чуваши недаром говорили: “С мельницы и дрянная лошадь возвращается пританцовывая”. Муку засыпали в специальный деревянный ларь в амбаре. Она поступала в полное распоряжение хозяйки дома.

Готовясь к обряду чҪклемe, хозяйка варила пиво из нового солода. На подготовку солода требовалось около двух недель, варка сусла занимала полторы-

двое суток. Готовое сусло разливали в дубовые бочки и ставили в погреба. Там оно бродило три-четыре дня.

Накануне чўклеме с вечера хозяйка творила тесто, а утром замешивала. Пока топилась печь, тесто поднималось. Хозяйка брала тесто из квашни и начинала формировать хлебы. После обеда в избе и даже на улице обычно распространялся удивительный, ни с чем несравнимый аромат печеного хлеба. В это время хозяин обходил деревню с приглашением на ритуал жертвоприношения. Вечером вся деревня собиралась в избе гостеприимного односельчанина. Обряд начинался с благодарственной молитвы, обращенной к всевышнему богу, к духам — хозяевам природных стихий и к усопшим предкам.

Перед началом молитвы на стол водружали непчатый каравай хлеба из зерна нового урожая и круг сыра. Их выносила хозяйка на блюде, держа перед собой на вышитом полотенце. Хозяин распечатывал бочку свежего пива из зерна нового урожая, наливал в большую ендову (сурхат, янтал) и ставил на стол рядом с братиной (алтър) пива из зерна старого урожая. Затем каждому из присутствующих раздавали по небольшому куску хлеба и немного сыра, наливали по ковшику пива. Одного из самых уважаемых, знающих обряд и молитвы старцев хозяин дома назначал своеобразным тамадой — руководителем обряда. Он брал в руку полный ковш пива и запевал традиционную обрядовую песню “Алран кайми аки-сухи”, исполнение которого было обязательным в таких торжественных случаях. Песню подхватывали все присутствующие. Пели ее непременно стоя на ногах, обратясь лицом к востоку.

После этой песни-гимна старики приступали к молитве. При молитве мужчины держали шапки под мышкой. Все присутствующие стояли лицом к приоткрытым дверям. Исполняющий роль жреца старик начинал молитву вслух, остальные вторили ему: “Во имя бога! Боже милостивый! Помилуй нас! Взываем к тебе с непчатым караваем хлеба, с полным ковшом пива, с целым кругом сыра и семью видами яств. Зажигаем в честь тебя большую восковую свечу к серебряному столбу.

Великий и добрый боже! Мы просим у тебя здоровья всему народу от мала до велика, просим прибыли семейства, прибыли скота, прибыли хлеба. Просим мира в обществе, согласия в семействе, здоровья, чтобы мы с добрыми намерениями, с открытыми сердцами, ласковыми речами могли сотворить тебе благодарственную молитву. Прими, боже, нашу наивную молитву с великодушием и снисходительностью.

Когда наступят теплые весенние дни, и наши помыслы и чаяния обратятся к хлебопашеству, мы выйдем на поля работать. Распахем шесть загонов на шести лошадях. Распахавши нивы, посеем пригоршнями по зернышку. Боже великий! Дай ты им прорасти ровно, корни их сделай широкими, стебли крепкими, колосья дай величиной с рогоз, зерно величиной с горох, сделай их, подобно яйцам, сыгными. Боже великий! Дай нашим посевам теплые дожди, теплые ночи, сохрани

от холода и заморозков, сохрани от холодного града, от сильных ветров, от жары и засухи, от мышей и саранчи.

Великий и добрый боже! Когда ты прорастишь наши зерна и вырастишь наши хлеба, мы, посоветовавшись всем миром, собравшись всем семейством, выедем в поле и, взявши в руки серебряные серпы, станем жать. Дай прибыли и в горстях, дай прибыли и в снопах, дай прибыли и в суслонах, дай прибыли в копнах. Придет время, и будем снопы скидывать с копны на телегу, и тогда дай нам прибыли. Начнем во всех четырех концах поля ставить клады, и в поставленных на гумнах кладах дай прибыль. Придет пора, начнем разбирать клады и стелить настилы на току; дай прибыли и в настилке, и под цепами, и в ворохе, и на ветру, при веянии. Боже великий и добрый! Дай нагрести вороха подобно сурским пескам, подобно волжским пескам.

Боже великий и добрый! В амбарах, сусеках, ларях и во всех сосудах дай прибыли всех семи видов хлеба. Когда хлеб в зерне свезем на мельницу, согласи удачно пропустить между жерновами и благополучно возвратить в сусеки. Когда из этой муки выпечем караваи, дай прибыли, чтобы можно было и накормить проходящих голодными, и обогреть приезжающих замерзшими, и одарить проходящих за милостыней. Великий и добрый боже! Дай нам одну часть хлеба держать впереди, одну часть хлеба приберечь назад, одну часть хлеба отложить на уплату царского налога, одну часть хлеба оставить на угощение семидесяти семи родственников, друзей, знакомых и соседей. Способствуй нам год от года собираться вместе за большим столом и семьюдесятью семью языками на разных ладах с открытой душой, чистым сердцем, светлыми лицами, сладкими устами, ласковыми словами отблагодарить тебя за твою великодушную помощь, замолвить перед тобою наши вольные и невольные прегрешения.

Добрый и великий Боже! Прости и помилуй нас. Прими нищу наивную молитву с великодушием и снисхождением!”

Это не вся молитва, а только посвященный урожаю ее фрагмент. Далее следуют молитвенные слова, посвященные трем видам скота, пчеловодству, охоте, торговле, благополучию домочадцев, селянам и сельской общине. Это даже не молитва, это поистине гимн великому крестьянскому труду.

Молитва завершалась троекратным поясным поклоном в сторону открытых дверей, четверем сторонам света (углам избы) и центральному столбу (улча юпи). Затем старики подходили к столу и выливали свое “старое” пиво в ендову с новым пивом. Это называлось “старить молодое пиво”. Его старили до трех раз, и после этого можно было пить новое пиво и есть новый хлеб.

Отлив из своих ковшей в последний раз, старики снова наполняли их уже новым пивом и, поблагодарив хозяев, выпивали их до дна. Затем старейший подносил “освященное” пиво хозяевам дома. После них могли выпить свои ковши все остальные по возрастному ранжиру.

Хозяйка ставила на стол обязательную ритуальную кашу, хозяин рассаживал гостей за столом. Согласно чувашскому этикету, на переднюю поперечную скамью садились женщины, а на боковую, продольную мужчины: женщины — по левую руку от красного угла, а мужчины — по правую, причем старшие и близкие родственники усаживались ближе к красному углу, а остальные — поодаль. Как только хозяйка кончает усаживать гостей, назначенный хозяином руководитель торжества, обращаясь к присутствующим, произносит приличествующую случаю речь.

— Ну, гости дорогие, званые, внемлите! Хозяин говорит нам: “Посадил я тебя главой застолья (кёреке пуçё), наказал начать круговой ковш во славу бога и в честь царя, наказал начать полюбовный ковш (саваш курки). У меня самого нет ни взрослого сына, ни взятой за сына молодой невестки. Не знаю я, достаточно ли подносил я ковшей своими руками или нет. Поэтому поручаю я это дело старому человеку”. Я принял это поручение, и начинаю круговой полюбовный ковш во славу бога и во имя царя! Согласны вы его выпить или нет?

Я обращаюсь к вам, сидящие около двери мужчины и сыновья мужей! Соглашаетесь ли вы выпить этот ковш?

На это гости-мужчины отвечают:

— Соглашаемся!

После этого руководитель обряда обращается к женщинам, находящимся в передней части избы, и спрашивает их:

— А вы, сидящие на передней лавке, на разноцветных подушках с украшенными сурбаном и чалмой головами! Согласны ли вы пойти с обедом к мужьям, пашущим на шести лошадях за великим лесом? Согласны ли вы выпить этот круговой полюбовный ковш?

Женщины отвечают:

— Мы согласны!

Тогда руководитель обряда берет ковш, наливает пива и произносит благодарственную молитву. Затем садится на стул, стоящий перед столом, и говорит такие слова:

— На небесах — бог, ему принадлежит вся вселенная. На земле — царь, ему принадлежит весь народ. Во главе стола сидят хозяин и хозяйка — все гости, собравшиеся в этой избе, находятся в их власти. Хозяин говорит: “Когда наступит лето, я с божьего благословения намереваюсь запрячь шесть лошадей, выехать на пахоту. Там хочу взять три загона земли: один — для посева ржи на хлеб, другой — для посева пшеницы на пироги и третий — для посева ячменя на солод”. Да уродится у него ячмень, чтобы возить не перевозить на паре лошадей; да уродится у него хмель, чтобы не поднять его и девяти мужчинам! Кто выпьет этот ковш до дна, тот станет перепелкой и будет жировать в пшеничном поле, а кто не выпьет, тот станет коростелем и будет прятаться в стерне. Это такой ковш, который следует выпить до дна без передыха. А если кто из вас этот ковш выпить

не в силах, с того семь да пять ковшей штрафа: семь ковшей жидкого пива и пять ковшей воды.

Затем руководитель произносит несколько скороговорок и в заключение говорит:

— А кто эти скороговорки не сможет проговорить до семи раз, сам настоящий глухарь! Тав сана!

С этими словами он подносит ковш одному из присутствующих. Тот выпивает его до дна и, по порядку, приветствует соседа справа словами: “Тав сана!” Таким образом “полюбовный ковш” обходит сначала мужчин, а затем женщин.

Когда все по порядку выпьют этот ковш, то его возвращают руководителю и он опять спрашивает:

— Ну, сидящие около двери господа мужчины, сыновья мужей! Достался и вам всем этот именной полюбовный ковш или нет? Те, кому не досталось, подойдите сюда. Хозяйский ковш ждет вас здесь!

Тогда все мужчины отвечают:

— Достался, достался!

Так же спрашивает ведущий и у женщин.

Таким же образом совершают круговые именные ковши “хушлама курки” и “ташлама курки”. После них уже пиво пьют по мере потребности. Перед уходом гостей руководитель торжества усаживает хозяев на передней лавке, и все присутствующие кланяются хозяину с хозяйкой. Приступая к этой части обряда, руководитель садится на стул и, чтобы привлечь внимание присутствующих, несколько раз покашливает и притоптывает ногами. Когда все утихают, он, обращаясь к хозяину, говорит:

— Ну, добрый хозяин! Летом ты выходишь к народу и бахвалишься — говоришь, что у тебя много сыновей и дочерей и, что тебе поэтому надо много земли и лугов. Так вот, покажи-ка теперь нам, велика ли у тебя семья.

Тут старики усаживают хозяина с хозяйкой перед столом на поперечную лавку, подносят им по ковшу пива, все падают перед ними на колени и затягивают старинную поклонную песню “пуç сапан юрри”. После завершения этой песни все гости по очереди парами подходят к хозяевам и низко кланяются им. При этом кончиками правой руки дотрагиваются до носков ног сидящих. Хозяин и хозяйка по очереди говорят им слова благопожелания. После поклона хозяевам гости веселятся недолго. Спев в знак благодарности гостеприимным и щедрым хозяевам несколько песен, гости уходят домой.

В старину этот обряд исполнялся повсеместно в одно и то же время и отмечал завершение сельскохозяйственного годового цикла. Однако со временем, ввиду трудности соблюдения сроков, каждый домохозяин справлял чуклеме по своему усмотрению. Те крестьяне, у которых не осталось прошлогоднего зерна на озимой сев, молотили еще в августе и вынуждены были уже тогда переходить со старого

хлеба на новый. Такие хозяева вынуждены были проводить чўклему сразу же после первой молотьбы. Состоятельные люди, как правило, придерживались исстари установленных сроков. У них на гумнах стояли клади снопов двух-трехлетней давности. В любом случае до проведения этого торжественного обряда ни один чуваш не осмеливался притронуться к зерну нового урожая. Такова была традиция, освященная нашими далекими предками.

* * *

Жизнь брала свое: приближались сумерки древних чувашских богов. Внедрение в систему языческих традиций отдельных элементов православия — характерное явление того периода, когда из народа стала формироваться чувашская национальность. Реконструкции профессора Н.И.Егорова соответствуют как раз данной эпохе — началу второй половины века XIX.

В 1848 году мир переживал золотую лихорадку. Людьюми овладела жажда золота. Толпы людей со всех концов земного шара устремлялись в штат Калифорнию. Каждый старатель верил, что ему улыбается счастье, и он найдет огромный, невиданный доселе самородок.

Золотая лихорадка не коснулась чувашского народа, хотя именно чувашам в 1848 году наконец-то улыбнулось счастье: на задворках цивилизации, в чувашском селе Кошки-Новотимбаево родился мальчик, проложивший впоследствии для своего родного народа золотую тропу в будущее. С образованием Симбирской чувашской школы этническая культура дала народу и национальную культуру, которая профессионально развивала прогрессивные составляющие системы старых традиций и обрядов. От чего начала эволюцию национальная культура, ярко, эмоционально и выразительно показывают реконструкции ученого-тюрколога Н.И.Егорова. Перефразируя А.С.Пушкина, мы отметим лирику реконструктора словами: “Печаль его светла...” Совершая путешествие по времени на страницах этой книги, читатели, думаю, присоединятся к нам и скажут: “Светла печаль минувших дней...”

Многие чувашские исследователи считают, что этническое мироздание — это прямое отражение духовной культуры. По их мнению, не стоит злоупотреблять терминами типа календарные и некалендарные относительно народных традиций, так как традиционные обрядовые действия составляют основу духовности нации и порой нецелесообразно делить их на календарные и некалендарные, например, семейные и календарные обряды являются понятиями совершенно разного порядка, что уже не согласуется с принципами классификации. “Если и допустить применение термина календарные по отношению к обрядам, то, вероятно, можно говорить не о календарной обрядности, а об обрядовом календаре”, — пишет

доктор исторических наук А.К.Салмин. “В обряде я рассматриваю прежде всего сакральное действо, призванное устранить создавшийся хаос на уровне макро, — мезо, — микромира с целью возврата к благу, созданному в правремя, восстановление и обновление прежних культурных традиций. Обряд является стержнем, соединяющим “здесь и теперь с там и тогда”, — отмечает он. В данном вопросе он ссылается на слова В.Н.Топорова: “В этом смысле ритуал должен пониматься как прецедент любой производственно-экономической, духовно-религиозной и общественной деятельности, их источник, из которого они развились”. То есть, утверждается, что мироздание, мироустройство народом воспринимается как система традиций и обрядов. Обряд — главное динамическо-духовное звено, связывающее прошлое с будущим через настоящее, он — навигатор этногенеза. С этим мы согласны. В то же время следует учитывать, что на первом месте в жизни народа всегда находятся конкретные, практические задачи — выживание, обеспеченность, процветание. Нельзя однозначно отвечать на вопрос “бытие определяет сознание или сознание определяет бытие?”, если данное касается этногенеза. Не будем забывать, что в XIX веке не только русскими, но самими чувашами отмечалось, что народ отстал от поступи жизни. Простой носитель духовной культуры видел выход в обрусении, только тогда он мог “выйти в люди” (данная тенденция имеет место и сегодня). Просвещенная прослойка народа поняла, что выход есть и он, в общем-то, прост. Отставание можно было легко ликвидировать с помощью всеобщего образования на основе родного языка.

Уместно привести в общих чертах классификацию обрядов и традиций, составленную Антоном Кирилловичем Салминым, которая опирается именно на духовную сферу этнокультуры. Данная классификация после ознакомления с системой традиций и праздников, данной Н.И.Егоровым в естественно-практическом, обрядово-календарном ключе и объясняющая, что культура — механизм выживания народа и нации, станет для читателя прекрасным дополнением обрядового календаря и укажет ход мыслей, чтобы соединить в одно целое все то, что было сказано в главе “Забывтые боги”. А такое целое существует, титульная нация республики как раз такое собрание противоречий, народ — субстанция, которая стремится за счет симбиоза противоречий к полной гармонии.

Точка зрения доктора исторических наук А.К.Салмина разделяется многими мастерами художественного искусства. А в творчестве таких признанных мэтров, как Анатолий Миттов и Праски Вити, данная тематика ведущая и основополагающая. Из молодых живописцев, чей талант “работает” в унисон такой установке, конечно же, следует выделить Станислава Юхтара (Михайлова).

Систему обрядов А.К.Салмин строит с учетом того, что все же сознание определяет бытие, так как народ всегда знал, что в правремя в мире существовала гармония и, если этнос будет вести праведный образ жизни, в будущем идеальное

устройство жизни и мира повторится. Вся духовная и религиозная сторона жизни была подчинена данной мысли. Мы уже приводили схему, как была решена проблема между людьми и богами в условиях выживания, говоря ироничным языком, — просто, и волки остались сытыми и овцы — целыми. Классификация А.К.Салмина уточняет эту простоту. Она обеспечивалась замкнутой, в то же время весьма сложной ритуально-обрядовой системой.

Система обрядов по А.К.Салмину состоит из трех крупных блоков, тесно связанных между собой, которые могут функционировать внутри любого параллельно, дополняя своим содержанием любой обряд. К трем блокам относятся макрообрядность, мезообрядность и микрообрядность.

Макрообрядность включает в себя суперобряды и коллективно-групповые обряды. К первым относятся большие жертвоприношения регионального значения, иногда проводимые только в определенные отрезки времени (раз в 3 года, 7, 9 или 13 лет), силами нескольких деревень и допускающие ограниченное количество людей — непосредственных исполнителей обрядов. Пысак чук (большое жертвоприношение), асла киремет (великий киремет), пар чуке (буквально, жертвоприношение от градобития, проводился на самом деле от всех стихийных бед, которые в одночасье могут уничтожить труд земледельца) являются обрядами данного класса.

Коллективно-групповые обряды в свою очередь подразделяются на две группы: обряды с жертвоприношением и на обряды без жертвоприношения. Первые включают класс обрядов типа чук, типа киремет и обряды, обращенные к духам предков. Вторые в своей структуре содержат очистительные обряды, обряды от злых духов, обряды-гадания.

Учук, халах сари (народное пиво), сумар чук (жертвоприношение дождю), пушар чук (от пожара) — относятся к классу чук. Чук имеет разные варианты, это действие из системы макроструктурной обрядности, проводимое, как правило, по случаю бедствия или в превентивных целях, чтобы предотвратить бедствие. В то же время обобщенный и более абстрактный, лишенный конкретного содержания термин чук дает возможность применить данный обряд по широкому кругу причин, чуть ли на все случаи жизни.

Класс обрядов киремет объединяет все ритуалы, связанные с этим верованием и местом. Киремети были “старшие” — общесельские, и младшие — второстепенные. Несмотря на “рейтинг”, они не теряли свою магическую силу, по могуществу считались равными и держали людей в смирении и страхе. Обычно раньше каждый населенный пункт обладал с семью киреметями, некоторые из них к тому же были “слегка” запрещенными, люди не ходили туда. Для обращения к духу киремети не всегда проводили специальный обряд, во время больших жертвоприношений разрешалось проделать и те действия, которые требовались в обрядах класса киремет.

Обряды без жертвоприношения также делятся на несколько категорий: сёр таврашё (мать-земля), хёр аки (девичья пашня), сёнё вут (молодой огонь), сёр хапхи (земляные ворота или проведение сквозь землю), уяв относятся к типу очистительных обрядов. Обряды с целью изгнания духов (вупёр) и обряды-гадания (сурхури), сжетке (святки) завершают данный блок системы. Обряды без жертвоприношения во многом схожи с обрядами других народов, включая и тех, кто проживает в Западной Европе.

Второй блок системы — мезообрядность — состоит из двух подблоков: архаические основы и переходные обряды. В первом выделяются две группы — родовые обряды и семейные, которые сочетаются с обрядами с жертвоприношением и без жертвоприношения, и поэтому выделенные в два самостоятельных подкласса. Родовые содержат обряды, обращенные к духам плодородия (чүкклеме, сара чүк/чюк пива), вәкәр чүк (жертва быком); обряды, адресованные духам предков (калам, симёк, хывни — буквально положить, класть, лить — принести жертву далеким предкам, проводился несколько раз в год), кёр сәри, автан сәри (петушиное пиво). В системе обрядов, посвященных духам, обособленно стоит касару ыйтни (покаяние). Провинившийся сын во время обряда ползет от порога к столу, за которым восседает отец, разувает его и целует голую ногу, произнося слова раскаяния. Покаяние приравнивало старшего в семье к абсолютному авторитету, раскаяние перед старшим воспринималось также как моление предкам.

Семейные обряды содержат многие стороны обрядовой деятельности отдельно взятой семьи, которые являются продолжением родовых.

Обряды с приношением жертв включают в себя обряды, посвященные духам природы и отражают наиболее архаическую степень мышления. В то же время нельзя недооценивать их влияния на всю духовную культуру в целом. Земля, вода, огонь — это неизменные постоянные, которые фигурируют в культуре любого народа. Далее этот подкласс продолжают обряды, обращенные к духам плодородия (суратан пәтти / каша рождающему, суха пәтти / каша духу пашни, ака пәтти / каша духу сева, парне тырри / жертвенный хлеб, аван пәтти / каша духу овина, ата чүк / в честь доброго духа ата (значение ата невыяснено), во избежание болезней скота, карта пәтти / жертва духу скотного двора и т.д.). Сюда же входит обряд приготовления каши для каждого члена семьи, он проводится аналогично обряду кил-йыш пәтти / семейная каша, с тем отличием, что молитва произносится в честь каждого человека отдельно. Жертвоприношение длится столько дней, сколько человек в семье.

Основное содержание обрядовых действий данного подкласса — просьба дать хороший урожай, приумножить скот, дать здоровья и благополучия семье и каждому человеку в отдельности.

Обряды жертвоприношения второго блока содержат также обряды, посвященные домашним духам, и ритуалы, адресованные духам-божествам.

Молящиеся просили дать добра, здоровья, покоя, отвести беды, пожары и воров. Поклонялись Турӑ, как главному божеству, турӑ амӑш/матери бога и многим другим, находящимся в чувашском пантеоне.

В семейных обрядах в рамках архаических основ существовал ряд действий, в проведении которых не требовалась жертва. К обрядам без жертвоприношений относятся ритуалы, связанные с домашними животными, пукравом (задерживание тепла), отпугиванием злого духа.

Мотивы архаических обрядовых действий и молений послужили основой для формирования других блоков семейных обрядов. Следующий блок называется переходными обрядами. Они включают родильные обряды, которые начинаются с ритуала с целью зачатия и прослеживают все этапы беременности, рождения, наречения имени. Наиболее интересен из них обряд запрыгивания планцеты. Зафиксировано несколько вариантов ритуала, один из них — запрыгивание планцеты и пуповины в подполе в землю. В другом случае детский послед клали в лапти и прятали в конюшне под корыто. Планцету как символическое божество-хранительницу необходимо было хранить на месте родов и прятать от чужих глаз.

Дальше по классификации идут ача чӱк (жертвоприношение по случаю рождения), во многом схожий с обрядом наречения имени, обряды детства, свадебные обряды. Заметим, что переходные обряды служат питательной средой этнопедагогике, которая отслеживает воспитательные моменты обрядов и адаптирует их к условиям общеобразовательной школы. Существуют несколько этнопедагогических программ, во многом повторяющих цикличность переходных обрядов.

Микрообрядность составляет третий блок классификации А.К.Салмина. Блок подразделяется на два класса — обряды от болезней и обряды на другие случаи. Первый класс содержит обряды от болезней, исходящих от духов (от водяного, вихря, молнии, грома, лешего, арсури, шуйттана, вупӑра, киремети, йереха, тюркелли, ийе, хытама (от слова застыть), сак айӑнчи (находящийся под скамейкой дух), мора, вӑри сӗленя (огненный змей). Как видим, эти обряды представляют собой эхо архаичной анимической культуры.

Второй подгруппой обрядов от болезней, наряду с действиями и молениями для избавления от болезней, исходящих от духов, являются лечебные обряды от конкретных болезней. Они, в отличие от народной медицины, рассчитаны на магическое воздействие на раны, опухоли, болезни. В основе обряды лечения содержат вполне рациональные действия: предусмотрены изоляция больного, постельный режим и внушение на выздоровление. В то же время приносились соответствующие дары — жертвы урочищам, проводились процессы очищения с применением заговорных формул и т.д.

Классификацию совершают обряды на другие случаи. Они связаны со стремлением избавиться от всевозможных болезней и недугов, неизвестных или

редких, нехарактерных для региона явлений. Сюда же входят ритуалы, способствующие поддержанию общества в должном порядке и потому имеющие судебно-процессуальные оттенки. В данной же группе находятся обряды симпатической магии, делящиеся на притягивающие и отталкивающие.

По мнению А.К.Салмина, обрядовые действия и моления чувашей, совершаемые в рамках микроуровня, выражают общечеловеческие концепции, отражающие своеобразное миропонимание исполнителей, идею создания нового человека вместо заболевшего; они, без исключения, нацелены на благополучие в жизни. Обрядовые действия в рамках микроуровня наиболее универсальны и лежат в основе культур любых народов. Исследователи нашли в них параллели с ветхозаветными главами и выявили типологию. Как пишет И.М.Дьяконов, магические действия “были необходимы для сохранения каждым человеком своего места в этом мироустройстве”. Примером сказанному может послужить общесельский очистительный обряд девичья пахота /хёр аки. Подобный обряд хорошо известен у земледельческих народов и проводится в основном в двух случаях — из-за неурожая, падежа скота и повальной болезни людей, поэтому иногда обряд называют “изгнанием холеры”.

Девичья пахота — очень зрелищное мероприятие, и когда чувашское телевидение показало обряд на экране, то зрители были буквально шокированы. На самом деле, даже театрализованный обряд заставляет по-иному оценивать роль женского начала в земледельческой культуре.

Решение проводить девичью пашню и оградить деревню “железной оградой” принималось мирской сходкой, а управлял мероприятием сельский староста, точно так же, как у славян. Пашню проводили до боронования, перед посевом, после посева яровых или через две-три недели после сѣмѣк. У немцев же обычай обрядовой запашки приходился на масленицу. Сама запашка проводилась в темное время суток, а славяне выходили в полночь. Старуха-повецалка, обычно вдова, выходила в полночь на околицу и била в сковороду, издавая дикие вопли. На этот призыв собирались участницы. Девушек должно было быть сорок или сорок одна, а могли вовлечь и всех девушек деревни. Однако в некоторых местах число участниц ограничивалось девятью девицами, известными примерным поведением, тремя вдовами, достаточно полными, и одной беременной женщиной. В Германии для обряда отбирались самые красивые девушки. В отличие от славян, руководство сакральной частью принадлежало одному из стариков, а не старухе. Центральной фигурой в обряде выступала единственная дочь в семье, ее и ставили в середину сохи между оглоблями. В случае отсутствия таковой, ее могла заменить одна из аккуратных вдов. Центральная, запряженная девушка выходила на запашку нагой. В то же время В.К.Магницкий писал, что чувашские девушки снимали с себя всю одежду, распускали волосы. Так же поступали и славяне. Видимо, только в более позднее время стали проводить обряд одетыми, хотя центральная девушка

должна была быть непременно нагой. Участие мужчин в запашке вообще исключалось или было сильно ограничено.

В качестве пашенного орудия использовалась старинная соха или деревянный плуг. Сохой правила девушка, так же единственная дочь в семье, то есть не имеющая братьев. На центральную девушку надевали хомут, остальные обступали соху и тянули за концы веревок, прикрепленных к сохе. Достаточно было провести черту сохой, куда местами бросали куски железа или втыкали иголки. Как правило, борозду вокруг деревни совершали три раза. Каждый, кто не тянул соху нес что-либо: котел с горячим углем, катали бочку с зажженной смолой, стучали и свистели. Если присутствовала группа мужчин, то она шла позади всех и время от времени стреляла из ружей. Аналогично вели себя и славяне. В Индии подобный обряд очищения проводился ежегодно, во многих европейских странах обряд имел широкое распространение до конца XIX века. Хотя и говорится, что в основе обряда лежит вера в силу магического круга, ритуальное обновление деревни, скорее всего, в нем скрыты очень древние представления о природе, напрямую затрагивающие вопросы жизни и смерти.

Изучение обрядов продолжается. Как всегда, ответ на один вопрос порождает десяток новых. Несомненно одно, исследователи хотят найти “что есть” между “было” и “будет”.

В предложенной А.К.Салминым систематике все классы и группы взаимодействуют и взаимосвязаны, автор сам предлагает для дальнейшего исследования их скрещивания, соединения, приближения и отталкивания. “Явившись зеркалом духовности народа, обряд отражал почти все стороны его жизни на протяжении ряда эпох” — вот лейтмотив системы Салмина. Данная классификация, бесспорно, попытка создания модели чувашского мироздания.

Мы полностью согласны с мнением Антона Кирилловича, но в то же время уточним то, что подобная всеохватывающая классификация неизбежно имеет какие-то минусы. На наш взгляд, данная систематика, пронизывая чувашское мироздание, упускает из виду три фундаментальных положения, вокруг которых, собственно говоря, и воздвигнута данная система. Она, конечно, затрагивает эти положения, но они как бы растворены в ней и поэтому не выступают в роли основополагающих. Было бы уместно подчеркнуть фундаментальные положения, которые из-за глобальности классификации остались в тени.

Старый чувашский мир покоился на “трех китах”. Жизненные ритмы и циклы, система обрядов и культурных ценностей полностью подчинялись им и подчеркивали аксиомическое положение “трех китов”. И это все с учетом того, что жизнь людская протекает в одной плоскости мироздания, которая, в общем-то, неинтересна высшим сверхъестественным силам. Фундаментальные, жизненно-практические положения, без которых

немыслима была жизнь чувашского народа, по иерархии выстраиваются следующим образом:

- вера в человека, в человеческие силы;
- величайшее почитание предков, ушедших из жизни;
- вера в единого бога — сўлти Турă, который всегда на стороне людей и чье могущество выше могущества любого другого бога или божества.

Эти три положения соединяются общим знаменателем — землей. Земля для чувашей — самый праведный дух. Все обряды, ритуалы чувашей фактически направлены на то, чтобы никто или ничто не помешали им жить своим трудом и своему умению. Без веры в человека, в свои силы народ бы не выжил, он бы растворился и исчез.

Почитание предков сидит в крови у любого чуваша. Об этом много писали, имеется масса исследований. Изучался и вопрос единого бога. Хотелось бы подчеркнуть лишь одну сторону данного вопроса. При рассмотрении материалов по этногенезу чувашей невольно бросается в глаза временная метаморфоза бога. Из трех “китов” он оказался наиболее уязвимым.

Отделившись от Вечного Неба Тангра, — Турă в начале воспринимался как мужчина в расцвете сил — полувоин-полупастырь, вооруженный грозным оружием — бичом, которым он беспощадно разит своего врага дьявола — шуйтана. С течением времени в сознании народа сўлти Турă начинает стареть. Главное божество, творец вселенной, создатель всего растительного и животного мира в конце XIX — начале XX представлялся уже в образе седоволосого старика с бородой и палкой в руках. То же самое указывали и татары: бог — дед, ветхий старик с седой бородой.

В то же время, как подчеркивалось, чувашской мифологии и обрядности свойственна идея о двойственной природе мира, о непрерывной борьбе добра и зла. Идея дуализма в некоторых вариантах выражается через Турă и его брата-близнеца Шуйтана, в других (см. “Киремет карти”) — через Турă и его брата-близнеца Киремет. Подобная трактовка очень близка к древним иранским культам. Согласно им, доброе божество Ахура - Мазда ведет постоянную борьбу с духом зла Ангра - Манью. Сперва оба они одинаково участвовали в создании мира: добрый дух создал все полезное и прекрасное, злой дух - все вредное и нечистое: болезни, смерть, хищных зверей. У каждого из этих божеств есть помощники, которые ведут борьбу вместе с ними.

Если уж вспомнили о древнеиранском добром духе, то следует упомянуть одного из помощников Ахура-Мазды - Митру. Дело в том, что Митра — соленное божество. И что интересно, соленное божество представлялось воителем, побеждающим быка — символизирующего злое начало. Главным праздником Митры был день солнцеворота — 25 декабря (рождение солнца). Поскольку Митра изображался в виде воина,

побеждающего чудовище-быка и считался покровителем воинов (а также моряков), естественно, древнеиранское солнечное божество не могло быть принятым предками чувашей. Для них бык не мог быть злым духом. Может поэтому к главному культу “пуа Земли” примкнул культ мусульманских святых?

Несомненно, культ Митры хорошо был знаком предкам чувашей. Культ “непобедимого солнца” в II-III веках был одним из ведущих религиозных течений в Римской империи, святилища Митры располагались даже в далекой Британии. Митраизм оказал заметное влияние на раннее христианство, недаром день рождения солнца стал днем рождения Иисуса Христа. Когда мы говорим об иранском влиянии на предков чувашей, и особенно об учении Зороастры (Заратуштра, VI век до нашей эры), изложенное нами нельзя не учитывать. Вообще, на наш взгляд, современными исследователями роль и значение зороастризма в древней религии чувашей сильно преувеличены. Заратуштра произвел реформу митраизма, за что, скорее всего, и расплатился своей жизнью: пророк не был признан на своей родине и был убит Тур-и-Братарвахшем, который преследовал его всю жизнь. Хотя зороастризм и учит о зависимости мирового порядка и торжестве справедливости в мировой борьбе добра и зла, все же это закрытая система, а митраизм — открытая. Эта жизнеутверждающая религия была распространена от Атлантического океана до Китайской стены. Митраизм был так тесно переплетен с Тенгри, Вечным Небом, для которого солнце было глазом Митры.

Сегодня основополагающая триада переживает кризис. Настала пора изучения мирового опыта с целью корректировки этногенеза. Несомненно, огромная роль в этом принадлежит правительству и президенту, потому что внутренняя политика на современном этапе играет ведущую роль в генезисе. Немаловажную роль играет в данном вопросе и туризм. Туристская индустрия, внутренний туризм опираются на этнические ценности, способствуют их сохранению и развитию.